

18+

Григорий Ривз

Мечты в формалине

Надин Ривз

Мечты в формалине

<https://litres.ru/74246424>

ISBN 9785007045810

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Саманта Лейк работает в книжном магазине, пишет рассказы об умершей сестре. Любит заброшенные дома и трассы. И погружает мечты в формалин.

Пытаясь разобраться в себе и начать жить своей жизнью без призрака сестры и чувства вины Саманта узнает одну семейную тайну. Но тайн больше, за одной следует другая, а некоторые из них Саманте лучше не знать.

Содержание

Глава 1. Lazy Bones	5
Глава 2. Lately	31
Глава 3. Are We the Waiting	63
Глава 4. For the last time	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Мечты в формалине

Надин Ривз

© Надин Ривз, 2026

ISBN 978-5-0070-4581-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Lazy Bones¹

Саманта лежала на спине, на обочине дороги, тепло от нагретого за день асфальта проникало сквозь одежду. Она вспоминала, как в детстве любила пробегать по только что залитому битуму и горячему асфальту. Битум прилипал к подошве кроссовок, тянулся как жвачка, собирая на себя мусор и песок, отчего становилось трудно идти. На раскаленном асфальте оставались следы, и это приводило в неописуемый восторг.

Лето из детства с ярким голубым небом, запахом свежескошенной травы и приключениями навсегда сохранилось в памяти и глянцевого снимках. Их с сестрой светлые волосы выгорали на солнце, а кожа становилась смуглой. Несколько недель они с семьей проводили в доме в Мейпл Хайтс, округа Кайахога, отдыхая от Кливленда. Каждый день был наполнен счастьем, смехом и улыбками.

Теперь эти воспоминания возможны только наедине с собой, на заброшенной трассе, в тишине догорающего дня.

Дорога, построенная чтобы разгрузить основную трассу от потока машин и обеспечить объезд на случай аварий, стала для Саманты местом, где можно думать или мечтать. Машины по этой дороге проезжали не чаще чем раз в пару дней,

¹ Название песни группы «Green Day»

и никто не мог ее потревожить. Сорок минут езды от Кливленда до трассы стоили погружения в бесконечную гармонию.

Забытая дорога обладала особым очарованием, уходящая вдаль черная лента с белой разметкой в эти часы принадлежала Саманте, ей принадлежал весь мир. Тому забытому прекрасному миру с романтикой бесцельных путешествий и искренних чувств.

Она наслаждалась сладостной свежестью и теплом последних июльских ночей, и шелестом листвы, стрекотом сверчков, еле слышным шуршанием шин по асфальту где-то вдалеке. В воздухе витал дурманящий аромат лета.

Все это призывало окунуться в первозданность ночи. Сбежать на край земли. Почувствовать дикую силу чего-то давно ушедшего и забытого, ту природную благодать, которая просыпается в нас время от времени. Уйти в нее на поиски сокровища, спрятанного еще в детстве. Прикоснуться к своей душе, опускаться в нее все глубже и глубже пока не достигнешь дна, чтобы дотронуться до скелета бога. Почувствовать себя свободной и легкой.

Саманта села и, вытащив из пачки сигарету и зажигалку, закурила. Огонек осветил лицо. Зеленые глаза в свете огня казались еще ярче. Она, откинув назад волосы, выпускала в небо сигаретный дым, наблюдая, как он тут же рассеивается.

В «Рок энд Роуз» всегда играла музыка. Саманта заехала сюда, возвращаясь с трассы, ей хотелось пообщаться со своим другом Чаком, барменом в «Рок энд Роуз», выпить чуток виски и послушать хорошую музыку.

«Рок энд Роуз» Саманта считала уникальным местом, там все еще можно было курить. Время от времени там по вечерам выступали местные группы, а днем «Рок энд Роуз» представляло кофейней, только с ненавязчиво играющим роком.

— Кто поет? — спросила она у Чака о звучащей песне. Ей нравился голос певицы и слова, созвучные с ее мыслями и чувствами.

— Лера Линн «В последнее время», — ответил он.

— Возьми меня под свою опеку. Помоги мне сохранить себя, — сказала она, глядя ему в глаза.

Чак улыбнулся, и забрал у нее пустой стакан.

Два года этот высокий парень с ясными серыми глазами и непослушными темно-русыми волосами, доброй улыбкой и готовностью всегда выслушать и дать совет, сам того не подозревая, оберегал мир Саманты. Их общение проходило в рок-кафе и пока что не вышло за его пределы несмотря на то, что они оба знали адреса друг друга и номера телефонов.

Саманта приходила сюда писать и пить кофе, наблюдать за людьми, болтать с Чаком, иногда брала виски и выкуривала сигарету, сидя за барной стойкой с блокнотом.

Она знала, что Чак любит рок-музыку, читает современную литературу и ненавидит политику. В этом они совпада-

ли. Он знал, что Саманта работает в книжном магазине, пишет рассказы и у нее есть подруга Сара, которая время от времени пытается наладить личную жизнь Саманты, развеселить и постоянно вытаскивает куда-нибудь погулять. Пока Сарины труды не увенчались успехом, а на нервы она действовала все больше.

Чак рассказывал ей истории, которые слышал от людей, приходящих в бар или от своих знакомых. Вместе они развлекались тем, что придумывали биографии посетителям. Некоторые Саманта записывала, и, смеясь, обещала указать Чака в соавторах, если из написанного что-то да выйдет. Он улыбался в ответ. Пока из тех записей ничего не вышло.

В одну из прошлых встреч Саманта рассказала Чаку об Эмили, своей сестре. О чувствах, которые Саманта испытывала тогда и потом. Она сумела заговорить о сестре и своих переживаниях с кем-то не из семьи, и ей стало легче. Совсем немного, но уже кое-что. Пусть сестра уже и стала отполированным образом, но чувства были настоящими, и Саманта до сих пор сдерживала их.

С родителями разговоры об Эмили быстро сходили на нет. Мама замыкалась в себе, а отец уходил курить и всем видом показывал, что разговаривать не хочет. Саманта оставалась одна. Как и тогда, когда Эмили погибла. Они горевали об Эмили, позабыв о том, что есть еще Саманта и она живая. Она их не винила, ей самой не хватало сестры. Вот уже много лет.

— Так скажи, ты бы взял меня под свою опеку? — она протянула руку в попытке поймать его за рукав.

— Нет, — ответил он.

— Почему? — удивленно спросила она.

— Ты это серьезно? Или шутишь? — он облокотился на стойку, рассматривая Саманту, пытаясь понять, что с ней происходит.

— Серьезно. Так почему? — Саманта не улыбалась, и внимательно смотрела на него, ожидая ответа.

— Не хочу, чтобы ты меня убила, как только я выбешу тебя своими советами и заботой, — улыбнулся он. — Ты ветер, Сэмми. Ты не можешь жить под опекой, ты летаешь по свету, иногда кажется, что ты везде, как воздух. Ветер нельзя опекать.

— Да ты поэт! Красиво сказано, — едва заметно улыбнулась она. В баре уже никого не было.

— Так все и есть, Сэмми. Ты ветер.

— Но я никого не убивала, и вряд ли это сделаю! По крайней мере точно не тебя, — возразила она. — Здесь ты не прав.

— Но можешь? — теперь уже Чак смотрел ей в глаза, жадно ожидая ответа.

— Не знаю, — пожала плечами Саманта. — Люди социальные животные. Мы придумали правила для своего общества, и каждый придумал правила для самого себя.

— Что у тебя случилось? Кто-то без спроса ворвался в

твою жизнь с ценными указаниями?

— С ними приходит только Сара. Она уже начинает меня угнетать, а я боюсь ее обидеть, поэтому не говорю ей, что ее забота и участие душат меня. Она единственный человек, с кем я еще общаюсь, помимо тебя. Еще я не могу больше ничего написать. Я писала про Эмили, она была героиней, а теперь ее история закончилась. Мне кажется, что это конец не только цикла рассказов, но и моей жизни. Я не знаю, что мне делать. Я словно задыхаюсь. Снова вспоминаю время, когда у нас в семье все было хорошо.

— Сэмми, — ласково произнес Чак, накрыв ее руку своей. — Не нужно думать, что твоя жизнь закончилась. Ты устала, вот и все. Тебе нужно поехать домой и выспаться.

— Знаешь, Сара опять устроила мне свидание, — сказала Саманта, глядя на бутылки с напитками за его спиной. Ей не хотелось уходить, так почему бы не рассказать про очередное неудачное свидание и Сару, великолепно играющую роль сваты.

— Так все плохо? — изобразил удивление Чак. Он был рад, что Саманта ушла от темы творческого кризиса и меланхолии. Сейчас он не знал, чем помочь.

— Очень! — рассмеялась она. — Каждый раз я чувствую себя паршиво. Ее знакомые не плохие люди, но мы с ними из разных вселенных.

— И кто был недавно? — улыбнулся Чак.

— Я не знаю, где она его нашла, — Саманта посмотрела

на его руку, все еще лежащую на ее руке. — Сара уверяла, что мне будет интересно. Парень — набор модных трендов. Веган, вейпер и помешан на селфи. Он говорит очень быстро, будто Эминему подражает. Рассказывал о культуре вейперов, потом о веганстве. Потом сэлфи! Я от силы сказала пару слов, пошутила на тему безалкогольных и алкогольных коктейлей. И сказала, что наша жизнь стремится упроститься до атома. В итоге он мне сказал, что я немного не дотягиваю до уровня классной девчонки, но он готов со мной встречаться по принципу свободных отношений, я как бы временно-постоянная девушка. Я ушла. Без прощаний и объяснений. Мне хотелось задушить Сару. Мы с ней два дня не виделись, это ее и спасло.

— Ну вот, ты была готова кого-то убить, — победно улыбнулся Чак.

— Это была естественная реакция на ситуацию.

— Почему Сару, а не этого парня?

— Он не виноват, что Сара решила познакомить его со мной. Если бы я душила всех, с кем знакомит меня Сара, то полиция бы уже искала маньяка.

— Вот видишь! Ты опасная, Саманта Лейк.

— Поэтому мне и нужно, чтобы ты взял меня под опеку и не подпускал ко мне Сару.

— Могу лишь дать дружеский совет: будь с ней честна как со мной.

Саманта грустно улыбнулась. С Чаком ей легко быть чест-

ной и свободной.

— Спасибо за все, — сказала она. — Мне пора идти.

— Пока, Сэмми, — он убрал руку с ее руки. — И не смей вредить себе.

Она молча кивнула, понимая, куда он клонит.

Все в порядке, этого всего лишь слова, у Эмили их не было.

Саманта прыгнула со стула, подхватила сумку и пошла к двери. Она вышла на улицу, и подняла голову к светлеющему вдалеке небу, вдохнула прохладный воздух утра. Она слышала, как сзади нее в замке повернулся ключ. Обернувшись, она встретилась в окне взглядом с Чаком и, помахав на прощание, пошла к машине.

В доме было прохладно и тихо. Утренний чистый свет заполнял комнаты, делая все хрустким и хрупким. Саманта скинула обувь и прошла в комнату. Упав спиной на кровать, закрыла глаза. Сознание медленно погружалось в сон, но она сопротивлялась, на ощупь стягивая с себя одежду.

Усталость взяла верх, она медленно падала в черную бездну сна.

«Саманта! Сэмми!»

Эмили стоит внизу лестницы и зовет ее. Саманта, улыбаясь, бежит к сестре. С ней легко и спокойно, не страшно и все понятно. Эмили возьмет ее с собой на прогулку. Другие

младшие сестры сидят дома, а Саманте можно ходить с Эмили. Никто слова не скажет. Ни родители, ни подружки.

С Эмили она чувствовала себя значимой.

Эмили было семнадцать.

Почему Эмили покончила с собой? Этот вопрос остался без ответа. Она не оставила записки. После нее не осталось дневника, записей на последних страницах в тетрадах. В компьютере все ее папки были уничтожены. Осталась лишь аккуратно сложенная в шкафу одежда, и тетради с книгами, лежащие на столе ровными стопками. Не было намеков в разговоре с друзьями и родными. Она никогда не произносила слова «смерть» и «самоубийство». Спокойная, уравновешенная, всегда собранная Эмили одним летним днем покончила с собой.

Пытаясь понять причины самоубийства, Саманта часто рассматривала внешнюю сторону, надеясь понять, что творилось у Эмили внутри. Она перебрала все вещи сестры — от одежды до книг. Проверила карманы джинсов, юбок, верхней одежды. Искала тайные послания в песнях ее любимой певицы Эмили Уитни Хьюстон и в ее любимой книге «Убить пересмешника» Харпер Ли. Но ничего не нашла.

Эмили была чиста. Чистое самоубийство.

Все чувства, мысли, переживания Эмили принадлежали только ей. Она не делила их ни с кем. Не оставила после себя.

В памяти Саманты Эмили осталась доброй старшей сест-

рой.

Умершие забываются быстрее, чем живые. Память съедает все подробности, детали, факты, оставляет лишь размытый образ, подобный призраку. Оставляет несколько историй, вызывающих теплую улыбку. Так было с Эмили. Так помнила Саманта.

Вместо будильника в сон ворвалась автосигнализация. Саманта открыла глаза, глянула на часы в телефоне, и перевернулась на другой бок. Сон частично ушел, но ей не хотелось вылезать из постели. Саманта не знала, сколько сейчас времени, не знала, хочет ли есть или пить, не знает какое у нее сейчас настроение. Первые минуты после сна — незнание. Ничего не знаешь ни о себе, ни о своих чувствах, этот короткий миг, как свобода.

Свернувшись калачиком, Саманта смотрела на стопки книг вдоль стены.

Четыре года назад она вернулась в квартиру на углу Сент-Клэр авеню и Шестой Ист-стрит и заняла бывшую спальню родителей, дополнив интерьер письменным столом и креслом. В полупустую гостиную она не заходила. Их бывшая с сестрой комната пустовала. Глядя на стопки книг, она подумала, что пора бы обзавестись книжным шкафом.

После смерти Эмили семья переехала в пригород, в частный дом, в который раньше они ездили только летом. Квартира пустовала. Барбара, мама Эмили и Саманты, не хотела

сдавать или продавать квартиру, но и жить в ней не могла. Квартира напоминала о трагедии с Эмили.

Квартира стала брошенным местом. И вот у пустоты появилась Саманта и заполнила ее своими вещами и мыслями, своей музыкой и воспоминаниями.

Здесь в присутствии Саманты оживала Эмили. Незримо присутствовала в ее жизни.

Маленький книжный магазин встретил Саманту коробками новых книг. Она улыбнулась, глядя на них, и прошла в подсобку, чтобы переодеть обувь и прицепить к футболке бейдж с именем.

— Саманта, привет! — в дверях появилась хозяйка магазина Пейдж Коултер.

— Привет! — улыбнулась Саманта, выходя навстречу.

— Замечательное утро! Надеюсь, что и у тебя тоже. Вчера вечером привезли новые книги. Приеду где-то в шесть, может раньше, как обычно, — быстро сказала Пейдж. — Хорошего дня!

— И вам тоже! — ответила Саманта.

Пейдж ушла так же быстро и внезапно, как и появилась. Порой Саманте казалось, что она материализуется из воздуха, как Чеширский кот.

Пейдж Коултер отличалась неумемной энергией и жизнерадостью. Она всегда пребывала в хорошем настроении, иногда напевала что-то из Битлов. И все успевала.

У Пейдж два книжных магазина. Один, просторный и светлый, находился в большом торговом центре. Второй, где и работала Саманта, на Рокуэлл авеню располагался на первом этаже старого здания. Он отличался изобилием книг — старых и новых, среди которых и бестселлеры, и классика. Среди множества книг можно отыскать уникальную. Ту, которую давно ищешь и даже слышал, что ее больше не издают, и неожиданно находишь свой кусочек книжного счастья совершенно случайно в маленьком магазине на первом этаже старого здания.

Кабинет Пейдж располагался в большом магазине, но вечерами она любила приезжать в магазин на Рокуэлл авеню, отпускать Саманту домой и заканчивать работу за прилавком книжного в старом здании. Пейдж говорила, что ей нравится какая здесь атмосфера по вечерам. Она приезжала примерно в пять тридцать или в шесть и работала до семи. Одно время у нее была идея сделать книжный круглосуточным, но, поразмыслив, Пейдж пришла к выводу, что дневной Кливленд и ночной совершенно разные города. Ночью читают книги дома или в кафе, там же планируют поход на утро в книжный.

Саманта вернулась в подсобку, оставив дверь открытой, и включила чайник. Покупатели редко приходят в книжный с самого утра, так что у нее есть время выпить кофе и съесть бутерброд. Раньше она завтракала дома, но в последнее время стала брать еду с собой. Ей нравилось, что она может спо-

койно поестъ, зная, что уже никуда не опоздает, и к тому в окружении книг, что само по себе создавало неповторимое утро.

Среди книг Саманта чувствовала себя спокойно и свободно. К тому же она могла в любую минуту открыть блокнот и записать свои мысли или сцену из будущего рассказа. Пойманная мысль быстро убегает, если ее не записать. Саманта любила бумажные книги и блокноты, ей нравилось писать свои быстрые мысли от руки, тогда они выходили завершенными, острыми, актуальными и красиво звучащими. Ей легче черкнуть что-то в блокноте, чем занести в телефон. Блокнот всегда находился под рукой. Исписанный, исчерканный. Наброски сюжетов, отрывки сцен, внешность героев вперемишку с номерами телефонов и счетов, и выделенных неровной рамочкой списков важных дел. Часть ее души вперемишку с обыденной жизнью. Вся Саманта в одном блокноте. Он мог о ней рассказать лучше любого дневника. Выдать ее мысли, мечты, контакты и любимый сорт кофе.

Если хочешь узнать человека, пролистай его повседневный блокнот. Для Саманты это аксиома. Она была уверена, что даже у самого аккуратного и педантичного человека в его личном блокноте, кроме ровных строчек с номерами телефонов найдется то, что выдаст всю его суть, расскажет его жизнь. Книги нужно уметь читать, ловить смысл между строк. Не стоит ждать, что тебе скажут все сразу и прямо.

— Привет! Саманта! Ау!

Сара нашла время, чтобы зайти в книжный к Саманте. Последние пару дней она настолько была занята, что чуть не забыла про организацию жизни подруги.

Сара появилась в жизни Саманты случайно всего год назад. Они познакомились на выставке одной знакомой фотохудожницы. Сара, по какой-то нелепой случайности, тоже знала эту художницу и была счастлива познакомиться с Самантой. Особенно ей понравилась небольшая статья-презентация выставки, написанная Самантой.

Вначале Саманте нравилась позитивная и веселая Сара, и нравилась ровно до того момента, как стала считать себя лучшей подругой, давать советы и помогать устраивать личную жизнь. Сара вытаскивала Саманту на всевозможные выставки, спектакли и всячески старалась разрушить затворнический образ жизни Сэм.

Активность Сары утомляла. Особенно ее попытки устроить личную жизнь Саманты. Высказать все прямо Саманта не решалась, не хотела обижать Сару. Она была ее единственной подругой с тех пор, как не стало Эмили. Сара принимала Саманту такой какая она есть, и старалась быть хорошей подругой, такой какой она себе представляла хорошую подругу. Саманта не хотела быть неблагодарной, отказываясь идти на свидание с «интересным парнем» или игнорировать пятую за месяц выставку.

— Саманта! — снова позвала Сара.

— Я здесь! — отозвалась Саманта и вышла из-за стелла-

жа. — Расставляю книги.

— Новые книги?

— Да, — ответила Саманта и снова вернулась к работе. Кирпичики книг занимали свои места на полках, сверкали глянцевыми обложками.

— Как у тебя дела? — спросила Сара.

Сара внешне походила на лису, еще бы рыжие волосы вместо каштановых. Больше бы шло ее тонкому любопытному лицу с хитрой улыбкой. Улыбка Сары — всего лишь улыбка, хитростью Сара не отличалась. Ей были свойственны нелепая прямолинейность и уверенность в том, что подруга чуть ли не вверила ей свою судьбу.

— Все хорошо. А у тебя?

— Всё просто супер! Какие у тебя планы на выходные? — Сара просто сияла. Саманта отметила про себя, что «лучшая подруга» придумала что-то суперинтересное.

— Уезжаю из города. По делам, — ответила она.

— Да? И куда? И что за дела? — Сару распирало от любопытства.

— Нужно навестить тетю.

— Где она живет?

— В Новом Орлеане, — улыбнулась Саманта. Отмечая про себя, что нужно заказать билеты до Нового Орлеана и обратно, как только Сара уйдет. Можно было бы просто заехать дома, проспав все выходные или же уехать на заброшенную дорогу или навестить брошенный дом.

Но произнеся: «Новый Орлеан», Саманта поняла, что и правда хочет туда поехать.

— Жаль. Я хотела позвать тебя к себе в гости, познакомиться со своими новыми друзьями. Мы познакомились на прошлой неделе в музее современного искусства. Зря ты не пошла со мной на ту выставку. Она была посвящена проблеме загрязнения мирового океана. Я думаю, что тебе нужно больше общаться с людьми, а не с книгами.

— С книгами лучше. Они не оценивают тебя. Не делают за тебя выводы.

— Я знаю, о чем ты. Ну, прости! — протянула Сара. — Я же не знала, что так все выйдет. Майкл нормальный, просто он так сказал, потому что...

— Сара, мне не интересно, — Саманта поставила последнюю книгу и повернулась к Саре. Чак прав, нужно поговорить с ней прямо и честно. Не как с ним, а как с Сарой.

— Не обижайся, пожалуйста.

— Я не обижаюсь. Ни на тебя, ни на Майкла. Мне не интересны эти свидания. Мне не приятно, что ты стремишься найти мне парня.

— Извини. Я думала тебе весело, — ответила Сара, смутившись. — Но почему ты ничего не говорила раньше?

— Не хотела тебя обижать. Ты вроде как хочешь мне помочь.

— Да, хочу. Хотела. Так нельзя, Саманта! Если что-то не устраивает надо говорить. Я бы не обиделась. Мне обидней

от того, что ты молчала. Как будто я тебя втянула в какую-то мерзость.

— Нужно было сказать раньше.

— Да уж. Обещай, что в следующий раз будешь говорить прямо если я перегибаю палку? Знаю, что меня порой заносит.

— Хорошо.

— Сменим тему. Как дела с творчеством, что ты сейчас пишешь?

— Ничего, — ответила Саманта. Эта тема раздражала ее даже больше, чем обсуждение личной жизни.

— Я случайно наткнулась на твой рассказ в журнале, почему ты ничего не сказала? — Сара прислонилась к стеллажу.

— О чем?

— О публикации.

— Забыла, наверное.

— Это здорово, что тебя публикуют!

— Да, время от времени. Радует и повышает самооценку, — усмехнулась Саманта.

— Это потрясающе. Ты мне говори в следующий раз, что твой рассказ опубликовали. Я буду покупать журналы и газеты с ними.

— Договорились.

— Только не забывай. А с кем едешь к тете? Может мне составить тебе компанию?

— Одна. Тетя не любит гостей. Меня-то терпит через силу, но нужно ее навещать. Так что я еду одна. Да и у тебя уже планы, если ты не забыла.

— Точно! — Сара шлепнула себя по лбу. — Мне нужно срочно завести ежедневник, столько разных дел.

— У нас есть ежедневники, если что.

— Буду иметь ввиду, — улыбнулась Сара. — Ладно, мне пора идти, рада была повидаться с тобой.

— Я тоже. Пока!

— Увидимся. Пока-пока!

Саманта облегченно вздохнула, когда дверь закрылась за спиной подруги. С одной стороны она была честной и открытой, а с другой придумала тетю, лишь бы не знакомится с очередными новыми друзьями Сары. Может быть постепенно она и научится дружить с Сарой, так чтобы не придумывать на ходу отговорки и родственников.

Саманта позвонила в Американ Эйрлайн, чтобы забронировать билеты. К счастью, билеты до Нового Орлеана и обратно до Кливленда были. Может стоит позвать с собой Чака, мелькнула в ее голове сумасшедшая мысль. Тети в Новом Орлеане все равно никогда не было. Уловка, придуманная, чтобы отвязаться от Сары. Поддавшись этой мысли, она забронировала два билета туда и обратно. Закончив разговор с диспетчером, Саманта вернулась к работе. Дело за малым, зайти вечером к Чаку и предложить ему ехать в Новый Орлеан вместе, погулять по улицам, покататься на пароме

по Миссисипи, послушать местную музыку. И, конечно же, проведать брошенные дома. О своей любви к заброшкам Саманта не рассказывала ему. Она улыбнулась, отмечая до чего же это странно, не говорить о заброшках, но сказать другу адреса и заранее, пусть и шутливо, пригласить в гости.

Солнце прощалось с Кливлендом, играя бликами в окнах офисных зданий, а до этого осветило окна книжного магазина. Саманте нравился ранний вечер. До ночи еще далеко, а день закончился. Скоро примчится Пейдж на ярко желтом фиате, и Саманта сможет пойти к Чаку.

— Привет! Как прошел день? — вошла в магазин Пейдж.

— Привет! Отлично, — улыбнулась Саманта. — Покупатели в основном студенты и были три любителя фантастики 90-х. Нашли, что искали, и я даже рада.

— Значит не зря создан этот магазин множества книг, — ответила она. — Теперь заступаю я. — Пейдж поставила сумку на прилавок и поправила волосы. — Можешь идти.

— Хорошего вечера, Пейдж.

— И тебе!

Саманта вышла через черный ход и пошла дворами к кафе. Только бы Чак согласился. Она немного нервничала, но уже представляла их совместную поездку. В самый загадочный город — Новый Орлеан. Саманта уже слышала ритм этого города, видела зеленые огни, чувствовала запах воды, цветов и тлена, исходящего от брошенных домов.

Саманта задумалась о значении улиц. Жизнь маршрут, проходящий по определенным улицам. Даже если приезжаешь к друзьям или родственникам в другой город, там тоже две-три определенные улицы. Жизнь — это улицы. На одной живешь, на другой работаешь, на третьей любимое кафе, на четвертой живут друзья, на пятой любишь гулять. На некоторых улицах своего города так и не побываешь, потому что они вне маршрута жизни. Туда может привести либо любопытство, либо переезд. Переезд нечто обыденное, до любопытства нужно дорасти. Именно дорасти, как до чтения определенного автора, как до способности любить и переживать.

Саманта толкнула дверь и вошла внутрь. Бар «Рок энд роуз» был еще тих. Шум, громкая музыка и веселье начнется позже. Сейчас там уютно как в обычном кафе. Только негромко играет рок и со стен на тебя смотрят идола рок-музыки.

Она прошла к барной стойке и спросила про Чака у бариста Мариссы, девушки с густой гривой черных вьющихся волос, орехового цвета глазами и смуглой кожей. Саманта любовалась ее красотой и грацией, как некоторые любят картины или скульптуры. Марисса готовила замечательный кофе. С Самантой они не подруги, они не разговаривали часами как с Чаком. Марисса знала Саманту, потому что та друг Чака. Они могли перекинуться парой фраз, весело поговорить о чем-нибудь обыденном. И не более.

— У него выходной, — ответила Марисса.

— Ну как же так! Видимо, я забыла.

— Бывает! — улыбнулась Марисса. — Кофе?

— Да, с собой.

— Как у тебя дела? — спросила она, колдуя над кофе.

— Нормально. Собираюсь на выходные в Новый Орлеан.

— Моя бабушка была оттуда родом. Город красивый, но жить я бы там не стала.

— Из-за ураганов?

— Нет, просто он слишком мрачный.

— Мрачный?

— На мой взгляд. Там много всего непонятного, загадочного. Как по мне. Музыка, вгоняющая в транс, люди, приверженцы кантомбле, Папы Легбы, порой кажется, что в тех местах живут какой-то своей обособленной жизнью. К тому же там жара, влажность и чувство, будто за тобой следят призраки.

Марисса поежилась, словно почувствовала холод.

— Чудесно! — выдохнула Саманта. — Но, по-моему, ты утрируешь.

— Для меня, так там вовсе не чудесно. Вернешься оттуда зайдешь и покажись, а то я уже беспокоюсь за тебя, — Марисса подала ей кофе.

— Привезу тебе сувенир, — улыбнулась Саманта.

— Обойдусь, — засмеялась Марисса.

Расплатившись за кофе, Саманта вышла на улицу и оста-

новилась. Она достала телефон и набрала номер Чака. Он не отвечал.

Саманта набрала еще раз и решила пойти к нему домой. Ответ ей нужен сегодня, немедленно. Она и сама не понимала, откуда у нее вдруг взялось такое нетерпение и маниакальное желание сию минуту поговорить с ним.

Она шла по улицам, набирая его номер, и улыбалась своему отражению в витринах. Саманта чувствовала себя счастливой, как будто у нее за спиной выросли крылья и несли ее над землей.

Двери дома она открыла свободно — домофон сломан. Саманта поднялась на третий этаж и нажала на звонок квартиры Чака. Она никогда раньше не приходила к нему. Саманта улыбалась от счастья в предвкушении путешествия. Поездка в Новый Орлеан в компании друга, который тебя понимает — что может быть лучше?

Только бы он согласился!

— Чак! Это Сэмми! — крикнула она, когда услышала, как поворачивается ключ в замке.

Дверь открылась, на пороге стояла высокая темноволосая девушка, закутанная в мужской халат.

— Вы кто? — удивленно спросила она.

— Саманта. Друг Чака, — растерянно ответила та. — Извините, что помешала.

— Трейси, кто-то пришел? — донесся из глубины квартиры голос Чака.

— Саманта, — ответила ему Трейси. — Говорит, что вы друзья.

Ее голос звучал нервно.

Воодушевление и уверенность Саманты испарились. Она уже жалела, что пришла к Чаку. Вмешалась в его частную жизнь.

По сути, они дружили только в рок-кафе. Она не знала, есть ли у него девушка. Чак никогда про нее не говорил. Про его семью она тоже знала немного, только то, что у него есть брат, который уехал в прошлом году на Аляску и ему не хватает общения с ним. Да и он знал о ней не так уж много.

Саманта взглянула на вышедшего в коридор Чака.

— Прости, забыла о святом правиле не вторгаться в жизнь друзьям из бара, — сказала она. — Я не хотела вам мешать.

— Трейси, это Саманта. И да, мы общаемся в рок-кафе. Саманта, это Трейси, моя девушка.

— Приятно познакомиться, — сказала Саманта.

Трейси натянуто улыбнулась.

— Что-то случилось? — спросил Чак. Его голос звучал напряженно и отстраненно, как показалось Саманте.

— Нет, ничего. Просто хотела поговорить, а у тебя телефон отключен. Еще раз, прости, мне не следовало приходить.

— Да, не самое подходящее время.

— Не буду мешать. Пока!

— Пока, — ответил он.

Трейси все это время стояла рядом с ним, сложив руки на груди, разглядывая Саманту.

Саманта могла ее понять. Вряд ли бы она обрадовалась, если бы к ее парню вдруг пришла девушка и представилась другом. В груди разливалась горечь от того, что у Чака есть девушка, а она для него будет всего лишь другом из бара. Это чувство больно кололо.

Неужели все откровенные разговоры, музыка, игра, в которой они придумывали истории посетителям, ничего не значат? Или дело в ней? Она старается всему придать больший смысл.

Так легко и просто Саманта придумала их совместную поездку в Новый Орлеан, наивно верила, что он согласится и не подумала не то, что о неизвестной для нее стороне его жизни, но и о планах. Ей не нравилось, когда в ее жизнь врываются и сбивают с толку. И вот она сама ворвалась в жизнь Чака. Импульсивный и безрассудный порыв. Не нужно было нарушать правило — друзья из бара, должны оставаться в баре.

Крылья исчезли.

Она еле плелась, ощущая тяжесть в ногах.

Шальная мысль превратилась в шальную пулю, убившую в ней радость и легкость. До дома идти долго, но она пройдет этот путь пешком. Передумает все мысли и успокоится, насколько это возможно. Все было прекрасно. Друг, с которым можно быть собой, говорить, шутить, смеяться, гру-

стить. Она стерла два года одним звонком в дверь.

Самое время съездить на заброшенную дорогу и глядя в небо понять, что все, что говорила она Чаку всего лишь разговор с барменом по душам. Обычный разговор с обычным барменом. Их мир из разговоров обо всем на свете, цитат из песен и книг, шуток, понятных только им ограничивался стенами «Рок энд Роуз» и мог существовать только там.

Саманта вернулась домой поздно ночью. Завтра она поедет на работу на автобусе, а может пойдет пешком. Ей нравилось ездить на автобусе или ходить пешком, наблюдая за людьми и городом. Правда сегодняшняя прогулка от дома Чака заставила ее пожалеть о том, что она не на машине. Добиралась она долго и даже не хотела ехать на свою заброшенную дорогу. И все же поехала. Чтобы почувствовать себя лучше. Смотреть на небо, уходящую вдаль ленту дороги, прислонившись спиной к машине слушать легендарную «Stairway to Heaven».

Мысли на дороге становились четче и яснее. Чувства обострялись. Саманта ощущала, что ее тихая и размеренная жизнь начинает разрушаться. Как брошенные дома, которые она любила не меньше дороги. Она перестала сочинять рассказы про Эмили, слова не шли, новых мыслей не было, бумажная история сестры закончилась. И Саманта не могла написать ничего больше коротенькой миниатюры. Это угнетало. Теперь вот еще и их дружба с Чаком под угрозой из-за

ее необдуманного поступка.

Ее жизнь идет неправильно. Только вот с какого момента: гибели Эмили, отказа от колледжа или с того, как она погрузила в формалин первую мечту?

Ей необходимо было сделать что-то спонтанное. Для себя. Поездка в Новый Орлеан то, что нужно.

Глава 2. Lately²

Саманта остановилась во Французском квартале, в конце Кэнел-стрит. Дом, аккуратно оштукатуренный и покрытый горчичного цвета краской, вполне мог стать пристанищем всех призраков блюзменов, продавших душу на перекрестке, и бутлегеров в костюмах в тонкую полоску, до которых так и не добрался закон.

Прохлада и полутьма внутри отеля контрастировала с душным воздухом и светом города. Женщина на ресепшн-е, красивая мулатка, возраст, которой не поддавался определению, с забранными под платок волосами, и густо накрашенными глазами вполне могла бы оказаться потомком Мари Лаво. Позади нее стояла странная статуэтка, изображающая то ли духа, то ли какого-то языческого божества, рядом с ним расположилась Дева Мария с младенцем Иисусом на руках, и старый телефон с крученым черным проводом, стоящий на толстом телефонном справочнике.

Администратор аккуратно записала Саманту в книгу гостей.

— Ключи от вашего номера, — глубоким грудным голосом сказала она, подавая ключи. — И карта города.

Она достала из стола свернутую прямоугольником карту

² Название песни Леры Линн (Lera Lynn)

и с улыбкой протянула Саманте.

— Благодарю, — улыбнулась Саманта.

— Добро пожаловать в Новый Орлеан!

Саманта поднялась в свой номер на втором этаже.

«Время не властно над этим местом, как и многочисленные новые веяния из журналов по дизайну интерьера», — подумала она, бросив сумку в кресло.

Деревянные окна со ставнями, выкрашенные белой краской, выходили на Кэнел-стрит. Кровать со столбиками для балдахина прибыла, вероятно, из дома, разорившегося плантатора.

На пару дней Саманта станет жителем исторического района Нового Орлеана, вдохновляющего прекрасной испано-французской архитектурой, газовыми фонарями и джазовыми оркестрами. Пока она ехала на такси до Кэнел-стрит, на углу одной из улиц видела, как музыканты расставляют свои инструменты. Уличный оркестр будет играть, импровизировать, создавать музыку, как создают картину, или пишут историю.

У нее будет время насладиться Новым Орлеаном, и музыкой уличных музыкантов, после посещения заброшенного дома, который она также увидела из такси. Ее маленькое исследование, экскурсия по чужим воображаемым жизням.

Она точно не помнила, когда у нее появилась тяга к заброшенным местам, домам и дорогам. Все это связано с Эмили, с ее гибелью и с тем, что Саманта оказалась без внимания

матери, словно ее тоже бросили.

Заброшенные трассы и покинутые дома никогда не вызывали у нее страха. Саманта не заигрывала со смертью и не испытывала себя на прочность, не пробовала разрушить и собрать себя методом разудалой рок-звезды.

Места, брошенные человеком, и пустоши не таят в себе опасности и зла сами по себе. Все это несет в себе человек. Страшные байки сочиняют люди, и сами воплощают их в жизнь.

Саманта не понимала, что с ней происходит. Последнее время ей все больше нравилось сидеть на позабытой трассе, смотреть вдаль и на небо, обдумывать сотни идей, которые так и останутся всего лишь мыслями с заброшенной дороги. Возможно, объявлять себя писателем было слишком громко и не обдуманно. Эмили была замечательной сестрой и интересной героиней. Ее путь пройден. А что с Самантой? Есть еще Саманта Лейк, и куда идти ей? Погрузить в формалин еще одну мечту?

Саманта стала писать после гибели сестры. Главная героиня отражение Эмили. У нее та же внешность, те же любимые песни, фильмы и книги. Эмили в поисках счастья и любви, мечты Эмили. И, наконец, призрак Эмили, осмысливающий самоубийство. Встреча Эмили со Смертью. Рассказы полировали образ сестры, оставляя на память лишь идеал. Эмили уже жила в рассказах, став частичкой скелета бога. Ее история завершилась, больше не о чем было писать.

Саманта достала из сумки ручку и блокнот, и, открыв его на чистой странице, поставила знак вопроса посередине строки, там, где обычно пишут название.

Нужно что-то написать, хоть какую-то мысль, принесенную с трассы.

— Мы все частички скелета бога, — сказала как-то Саманта Чаку. — И все книги мира, которые уже написали и напишут в будущем — тоже часть этого скелета. А все мы костная жидкость, делающая скелет живым. И тут замкнутый круг. Скелет бога — это тоже мы. Мы сами себя делаем живыми. Сами скелет и сами костная жидкость. Все что мы создаем становится частью нас, а также и скелета.

— Звучит жутко. Но в этой жути что-то есть, — ответил он.

— Я это рассказала только тебе, потому что доверяю. Ты же не считаешь меня сумасшедшей?

— Конечно, считаю. Иначе не стал бы и слушать.

— Спасибо.

— За что? — удивился Чак.

— За понимание. Оно дорого стоит, а ты даешь мне его бесплатно.

— Нет, в уплату я беру твои улыбки. Еще мне нравится смотреть, как ты пишешь. Когда ты сосредоточенно думаешь, у тебя на лбу появляется морщинка.

Он провел пальцем по ее лбу к переносице.

— Вот здесь.

Саманта улыбнулась тогда.

Она крепко сжала ручку, и стала писать, не отпускающую со вчерашнего вечера, мысль.

«Друзья из бара должны оставаться в баре. Там они являются кем-то особенным в твоей жизни. Выходя из бара, ты улыбаешься им и говоришь: „Пока!“. Им нет места на твоей кухне, нет места в твоих путешествиях. Как и тебя нет в их жизни вне бара. Вы всегда немножечко незнакомцы и именно поэтому вам легко и свободно. Признания и секреты остаются в стенах, смешиваются с музыкой. И чтобы так было всегда, не стоит пытаться вынести дружбу за пределы бара».

Саманта не стала перечитывать написанное, закрыла блокнот и положила его на тумбочку у кровати. Она в Новом Орлеане и пора идти на прогулку.

В сумке ничего лишнего: фонарик, электрошокер, кошелек и телефон. Она немного нервничала, хотя и не впервой. Три года назад она залезла в один заброшенный дом в пригороде Кливленда и напугала до полусмерти наркомана. Она и сама тогда испугалась, но он был напуган больше, только поэтому она не убежала. Парень называл ее Мэгги, просил уйти и оставить его в покое, а когда Саманта сделала шаг ему навстречу, убежал, и кажется, скатился по ступеням крыльца. С тех пор она стала носить с собой шокер, на тот случай если в заброшке окажется кто-то менее пугливый. Полиции она не опасалась, для них была придумана история о том, что

это дом ее родственников, и она зашла его проверить. Опробовать на представителях власти легенду не удалось, они видимо не патрулировали те районы, или же Саманте везло.

Она ступила на шаткий мостик, ведущий к островку с большим домом в колониальном стиле. Вода и хлипкий мостик не пугали, напротив придавали местности неповторимый колорит. В Новом Орлеане болота обычное явление.

Двухэтажный особняк из красного кирпича с просторной террасой на первом и втором этажах, с шестью колоннами, некогда белоснежными, а теперь потемневшими и с облупившейся краской, у их основания росли трава и мох. От трех мезонинов остались только выступы, их и часть черепичной крыши, скорей всего, унесло ураганным ветром. На каменной дорожке ведущей к дому клочками росла трава, достающая Саманте до щиколотки.

Брошенный дом, разрушенный. Она может спасти частичку его. Среди оставленных вещей Саманта находила ценные. Особенно ее привлекали книги и дневники. Этот дом казался ей удачной находкой.

Саманта осторожно вошла в дом. Пахло сыростью и плесенью. Первый этаж представлял собой жалкое зрелище: перевернутая мебель и занесенный с улицы мусор — листья, маленькие веточки и трава. Пол скрипел от каждого шага, а половицы в некоторых местах прогибались. Осторожно ступая, Саманта обошла все комнаты на первом этаже. Заглянула на кухню, из мебели там остался большой обеденный

стол, разделочный стол и ржавая мойка. Остальные комнаты были пусты и безжизненны, там осталась только пыль, а стены губила плесень.

Брошенный дом, как брошенный человек. У него есть своя история, воспоминания и память. Став никому не нужным, дом приходит в упадок. Постепенно, медленно, но все равно разрушается, до тех пор, пока снова не станет нужным кому-то.

Для Саманты эта неодушевленная громадина представляла собой истерзанную душу. Может это глупо переносить чувства людей на предметы, но у людей не осталось чувств, а у старого дома их полно.

Она подошла к широкой лестнице, ведущей на второй этаж и, положив руку на перила, поняла, что лестница все еще крепкая. Поднимаясь по лестнице наверх, Саманта шепотом напевала «Stairway to Heaven».

Второй этаж дома по сравнению с первым являл другой мир. По каким-то причинам его не успели распотрошить время и мародеры. Сколько лет этому дому? Подумала Саманта. Глядя на его размеры и стиль, она решила, что этот дом запросто может помнить золотые дни Юга.

Комната, вид на которую открылся ей с лестницы, могла быть хозяйской спальней. Саманта прошла внутрь, наступая на комки перьев, выпавших из разорванной перины. Они лежали на полу грязным снегом, в этом было нечто жуткое — декорация трагедии. Саманта не понимала, зачем кому-то

нужно было рвать перину, выпуская на волю пух и перья. Из наспех брошенного дома, можно забрать вещи, унести мебель, но ломать ее и рвать матрасы это просто вандализм. Или здесь кто-то что-то искал. Задолго до нее. И ему хотелось найти ценности материального мира, спрятанные хозяевами дома в перине, а может, это сами хозяева распотрошили свой матрас, доставая оттуда спрятанные украшения, перед тем как уехать.

Саманта придумывала детали, создавая историю дома, чтобы сохранить его частичку. Она возьмет ее с собой, даст дому жизнь в своих рассказах. Детали важны. Они составляют жизнь. Грандиозных событий в ней не так уж и много, а мелочи наполняют каждый час, и не стоит пренебрегать ими.

У стены, напротив кровати, стоял платяной шкаф. Открытые дверцы держались на одной петле. Шкаф был пуст. Саманта подошла к нему, заглянула в каждый выдвижной ящик. Она искала письма, книги, дневники. Уезжая, люди стараются не забыть все то, что поможет им обосноваться на новом месте, в новом городе, но забывают частичку себя, свои мысли и воспоминания. Может они делают это специально? Оставляют, то, от чего хотят избавиться.

В одном из ящичков Саманта нашла конверт, маленький и пожелтевший от времени. Она села на пол, не обращая внимания на грязь и пыль. Осторожно открыв находку, Саманта извлекла на свет черно-белые старые фотографии. Они были влажные на ощупь, и Саманта уже придумала, как их засу-

шить и не испортить.

На снимках запечатлены красивые мужчина и женщина, нарядно одетые, они улыбались фотографу, старались выглядеть как можно лучше, чтобы оставить после себя кусочек молодости и красоты, запечатлеть, поймать неуловимый момент счастья.

Саманта перевернула один из снимков, надписей не было. Она еще раз просмотрела фотографии, всего шесть штук. Разглядывая снимки, Саманта чувствовала, что прикасается к истории, к той, что ушла, но иногда возвращается в моде и фильмах.

Убрав снимки в конверт, а затем в сумку, Саманта откинулась на край кровати и прислушалась к звукам дома. Шуршащим, потрескивающим, жужжащим и пронзительно тихим. Снаружи наступал вечер, солнце раскалилось за день, став ярко красным и уходя, заливало все гранатовым цветом.

Перья вокруг Саманты окрасились красным и слегка задрожали от проникшего в дом вечернего ветра. Она провела по ним рукой. Мягкие и воздушные белые перья — с огромных крыльев ангела. Эмили. Ее призрак скользнул тенью по стене, всколыхнув воздух, подняв вверх перья и исчез.

Незримое присутствие Эмили до недавнего времени успокаивало ее, а теперь приносило опустошение. Она ссылалась на Эмили в спорах с родителями. Они делали тоже самое, но не в пользу Саманты. От этого становилось хуже, но Саманта не могла иначе. Ей нужна была Эмили. Старшая сестра.

Сейчас бы они были подружками. Будь Эмили жива, все было бы по-другому.

Теплый солнечный свет на пыльном полу навевал воспоминания. Не самые приятные, но значимые. Саманта три года назад забрала документы с экономического факультета, бросила учебу, потому что не хотела изучать экономику. Ей это было совершенно не интересно, она это поняла, проучившись месяц. Да и экономика была мечтой Эмили, а не Саманты. Родители настояли на поступлении, будто учеба — это старое платье, которое ей предстоит доносить за Эмили.

Саманта любила сестру, но не хотела донашивать за нее ее жизнь.

До того, как забрать документы с экономического факультета и прийти к родителям, она подала заявку и отправила свои рассказы в Беннингтонский колледж.

День стоял такой же теплый и спокойный. Безмятежный и уютный. Мама была под стать этому дню. И Саманта решила, что она поймет ее решение, порадует за нее, поддержит.

Все вышло иначе.

— С чего ты решила, что сможешь поступить в Беннингтонский колледж? — спросила мама.

— Потому что он мне ближе. Меня больше удивляет, как меня взяли на экономику. Какая-то ошибка и случайность.

— Случайность? Ты готовилась туда поступать и поступила.

— Потому что вы с папой так решили. Это не было моим

желанием. Это было желание Эмили. Она, кстати, одобрила бы мое стремление учиться в Беннингтонском.

— Ты не поедешь в Вермонт! Ты не поступишь.

— Почему ты в этом так уверена? Почему ты не веришь в меня?

— Саманта, ты не обладаешь талантами студента Беннингтонского колледжа.

— Но ты не можешь знать этого наверняка.

— Нет, Саманта! Ты бросила учебу...

— Чтобы учиться в другом месте! — перебила ее Саманта.

— Ты думаешь только о себе! Ты подумала о нас? А об Эмили?

— Эмили была бы рада, что я еду в Вермонт.

— Ты говоришь, как будто уже поступила! — раздраженно отрезала Барбара. — Эмили погибла. Ее нет. А ты куда-то рвешься. Тебе плевать на память о ней. Она уже ничего не сможет сделать. Она бы хотела поступить на экономический факультет. Она бы хотела жить здесь. А ты ничего этого не ценишь!

Саманте хотелось сказать, что Эмили убила себя. Она выбрала смерть, а значит, не хотела ничего.

Она промолчала. Ее мысли были жестоки, она не превратила их в слова. После разговора с мамой к ней подошел папа. Он не стал говорить с ней об Эмили и колледже, сказал, что мама боится потерять ее, Саманту. Поэтому и ведет себя

так. Не отпускает.

Саманта чувствовала обиду и злость. Но смолчала.

В тот вечер, сидя в своей комнате, она мучилась от чувства вины за то, что хотела сказать о сестре. Случившееся с Эмили было своего рода тайной, о которой не говорят. Будто бы ее убили и убийцы молчат об этом. Они ведь могли спасти ее, если бы были внимательней. Если бы увидели, что с ней что-то происходит. Теперь они молчат о смерти и бережно оберегают память, страдают от чувства вины.

Саманта съехала от родителей, стала жить в Кливленде. Устроилась на работу в книжный магазин.

Мечта о Беннингтонском колледже, запечатанная в баночку с формалином, обрела свое место на полке в чулане.

Когда из колледжа пришел большой конверт, Саманта поняла, что поступила, но не стала вскрывать конверт. Не смогла. Понимала, что у нее все равно не хватит смелости уехать наперекор родителям. Образ Эмили не мог в этом помочь.

Теперь ей хотелось уйти от Эмили. Не писать о ней, не думать о ней слишком часто. Жить свою жизнь, не размышляя, а одобрила бы это Эмили или нет. Принять, наконец, тот факт, что она умерла и ее не волнует больше жизнь ее семьи, и сама Эмили больше ничего не хочет и ни в чем не нуждается.

Есть только память. По крайней мере, должна быть только она.

Саманта неспеша шла к отелю. Улицу заполнили толпы

людей, в основном такие же туристы, как и она. Они пробиравась по улице стайками, как мелкие рыбки, следуя за гидом и поворачивая головы по команде, а местные проживали свою неспешную жизнь. Уличный оркестр выдавал блестящие композиции, бурные и страстные, под которые хотелось танцевать, позабыв про все, слиться в танце с музыкой, скинуть обувь, импровизировать.

У входа в отель стояла Мари Лаво, как про себя назвала ее Саманта, она лениво курила трубку и смотрела на улицу. Саманта отметила, что современная одежда только добавляет ей загадочности, играет на грани мистики и реализма. Где правда, а где мираж?

Хозяйка отеля по-кошачьи прищурилась, глядя на Саманту, и выпустила дым.

— Миз Лейк, — проговорила она, южный акцент разлился как мед. Днем же Саманта его и не слышала. — У вас перья в волосах. Вы залезли в курятник?

Она сдержанно улыбнулась, а в глазах плясали огоньки. Саманта провела рукой по волосам, убирая с них перья.

— Нет, я..., — смущенно забормотала она.

— Ничего страшно, всего лишь перья. Вы не типичная северянка, — Мари Лаво прищурилась. — Вы южанка. Так? У вас были в роду южане?

— Честно сказать, не знаю.

Женщина покачала головой.

— Как бы там ни было, вы — южанка.

Она широко улыбнулась.

— Это комплимент, — пояснила она.

— Спасибо, — рассеянно ответила Саманта. — Мне еще не делали таких комплиментов.

— Мой вам совет, — она затянулась трубкой, и медленно выпустила дым. — Переоденьтесь, уберите перья из волос, и сходите поужинайте, в любой ресторан или кафе. Насладитесь карибской кухней, потанцуйте. То, что вы здесь оставили — не забирайте обратно.

Она хитро подмигнула Саманте.

— От ваших слов кружится голова, — призналась Саманта.

— Это от табака, — покрутила в руках трубку Мари.

— Возможно. И спасибо за совет.

Оживленная Бурбон-стрит рассеивала мистичность и умиротворение от событий в старом доме и разговора с Мари Лаво. Она зашла в кафе и заняла столик у окна. В кафе играла тихая музыка, а к ней уже спешила официантка.

— Добрый вечер! — улыбнулась она и положила на стол меню. — Мы рады видеть вас в «Гортензии», надеюсь, вам у нас понравится.

— Спасибо! — улыбнулась в ответ Саманта.

Девушка ушла к другому столику. Саманта открыла меню, и, читая названия блюд, пришла к мысли, что давно она не ела хорошо приготовленную еду, а уж о карибской кухне

только слышала. Названия блюд звучали для нее как заклинания, и Саманта вспомнила Мариссу. Может быть, она и права в том, что есть в Новом Орлеане нечто мистическое. Одна ее Мари Лаво чего стоит.

Саманта заказала джамбалайю и холодный кофе.

В ожидании заказа, она откинулась на спинку стула, вытянула ноги и повернулась к окну, наблюдая, как на город опускается вечер, как мимо проходят люди, кто целеустремленно, кто, болтая по телефону, неторопливо прохаживаясь по улице.

Старинные особняки и заброшенные дома, джаз, карибская кухня, сладкий воздух с ароматом воды и цветов и эта девушка-испанка, очаровательно улыбающаяся всем посетителям, олицетворяли для Саманты дух Нового Орлеана. Его неумную жажду жизни вопреки всему.

Саманта понимала, что в этот момент ее окружает открытый, туристический Новый Орлеан, город каким он должен запомниться случайным или не случайным туристам. Днем город показал ей частичку другой своей стороны.

В сумке Саманты прибавилось вещей — конверт с фотографиями и маленький пакетик на застежке с перьями. Это она привезет домой из поездки. На память.

Неделю назад Саманта заговорила с Чаком об Эмили. Это было как преодоление себя — говорить не об образе и призраке, а о человеке, которого больше нет. И вместе с тем, это стало моментом, когда устаешь от всего и просто сжигаешь

весь хлам в голове, чтобы освободиться от удушающего чувства, чем бы оно ни было порождено.

— Привет! — бросила она Чаку в тот вечер, садясь на высокий стул.

— Привет, Сэмми! — улыбнулся он. — Что будешь?

— Виски! Если есть, то ирландский, — она говорила взволнованно, с напряжением в голосе.

— «Джек Дэниэлс» чем не угодил? — спросил он.

— Ничем, вношу разнообразие в жизнь. Я хочу излить душу бармену. Как в кино, когда посетитель нудит о своей тяжелой жизни и психологических проблемах, вытаскивает наружу свои сомнения и страхи.

Она взяла из рук Чака стакан и сделала глоток. Напиток обжег горло, на мгновение притупив чувства.

— Что случилось, Сэмми? — в его глазах светилось счастье и веселье, насмешка над всем происходящим. Он был готов слушать, то, что расскажет Саманта.

— Сколько времени мы общаемся?

— Два года или три, может два с половиной. А что? — слегка нахмурился он, пытаясь угадать, куда она клонит.

— Для справки, — улыбнулась она. — Помнишь, я рассказывала тебе про Эмили...

— Про сестру?

Она кивнула.

— Да, помню.

— Почему я не могу прогнать ее образ? — спросила она.

— Я люблю Эмили, но она меня убивает, не хочу, чтобы она больше витала призраком в моей жизни. Я устала от самой себя, от скорби и памяти об Эмили. Пытаюсь бороться с этим состоянием. Но то ли я плохо стараюсь... Я снова и снова возвращаюсь к ней. Ее не бывает только, когда уезжаю на заброшенную трассу и когда общаюсь с тобой.

— Ты едешь на заброшенную трассу? — удивился Чак.

— Да, но сейчас не об этом, — Саманта сделала глоток, ей нравилась обжигающая горечь виски, тепло, разливающееся по телу. — Мне-то что делать? Как вырваться из этого состояния? Я не хочу быть хранителем памяти Эмили, я хочу жить сама, я хочу писать рассказы не о сестре, я хочу написать что-то новое. Но я не могу, не умею. С чего начать? Что сделать в первую очередь? Я прошу твоего совета, Чак.

— Саманта, сразу скажу, что это скорее всего нормально, наверное, нормально. Не могу сказать точно. Может тебе обратиться к психологу? Проработать всю ситуацию, разобрать ее по косточкам, докопаться до причины.

— Повтори! — она подвинула к нему стакан. — Это не нормально, Чак. Прошло много времени, я, можно сказать, пропустила период в своей жизни, когда можно быть безрассудной и не особо переживать по этому поводу. В то время, когда остальные наслаждались безумством, сбегали на концерты, тусили до утра, я сидела дома и пыталась ничем не оскорбить память сестры. Она у нас в семье, как святая.

— Вот, — он поставил перед ней стакан. — Это послед-

ний на сегодня, не стоит увлекаться вискарем, до дома не дойдешь.

— Я знаю, что мне скажет психолог, — проигнорировала она замечание Чака. — Во-первых, он посоветует мне заняться собой, найти радость в жизни и попробовать каждый день встречать с улыбкой. Усилием воли прогонять из мыслей Эмили. Он скажет, что нужно перевернуть эту страницу и жить дальше. Он мне скажет, что я не виновата в том, что моя сестра покончила с собой. Я не могла ничего изменить. Даже если бы я была внимательней и наблюдательней, то все равно у меня не было той власти, способной остановить ее. То, что я увидела ее тело на асфальте — это тоже всего лишь случайность. Эмили бы не хотела, чтобы я нашла ее в таком состоянии. И, конечно, она бы не хотела, чтобы я страдала и скорбела долгие годы. Она бы не хотела, чтобы я жила в замкнутом мире. Потом мы бы стали разбирать мои отношения с матерью. И пришли бы к выводу о том, мама любит меня, но после смерти Эмили решила держаться от меня на расстоянии, не проявлять теплых чувств и эмоций. Причины такого поведения мне не известны. Возможно, это уже ее травмы.

— Сэмми, ты только что сама все разобрала, — усмехнулся он. — Так почему ты не можешь ее отпустить?

— А может ответ в том, что она меня не игнорировала? Не была старшей сестрой, которую бесит младшая? Она со мной общалась на равных, брала с собой на прогулки. И ее

подруги не смели слова сказать против. Я чувствовала себя в безопасности рядом с Эмили.

— Психологи бы сказали, что ты должна выйти из зоны комфорта, — сказал Чак.

— О, да! — она сделала глоток. — Моя зона комфорта — страдание по Эмили, там и правда чертовки комфортно, только вот разрывает изнутри. Я сама себя не выношу. Подруг нет, парня тоже. Даже цели в жизни никакой. Писательский талант оказался обманом, я могла лишь писать в попытках оживить Эмили в рассказах, дать ей жизнь. В итоге она все равно встретила Смерть.

Саманта закрыла глаза.

— Вот, теперь я избегаю смотреть на тебя, — пробормотала она.

Он рассмеялся.

— Да брось ты! И раз уж так все запущено, то избавься от вещей Эмили окружающих тебя. Выкинь ее из своего дома, из своей головы. Саманта, ты писатель, что ты делаешь, чтобы точнее описать персонажа? — он хитро прищурился, глядя на нее.

Саманта невольно улыбнулась:

— Представляю себя им.

— Вот и создай новую Саманту Лейк. Без призрака сестры. Надели ее качествами, которые тебе нравятся. Попробуй, чего ты теряешь?

— А что, если новая Саманта Лейк не понравится тебе?

— Тогда я спрошу у нее про скелет бога и сделаю так, — он наклонился к Саманте и провел пальцем по ее лбу к переносице.

Саманта смотрела на него рассеянно, и робко улыбнувшись, сказала:

— Это будет пароль для вызова прежней Саманты Лейк.

В тот вечер, придя домой, она прошла к комнате Эмили, не включая свет, ей было достаточно рассеянного света от фонарей, попадающих через окно. Саманта хорошо знала свое жилище, чтобы не наткнуться в темноте на мебель и стены. Темный коридор не скрывал ничего — он был пуст, хранил лишь пыль рядом с плинтусами, а в конце его запертая дверь — комната Эмили. Пустая квадратная коробка с большим окном с настолько широким подоконником, что на нем можно сидеть вдвоем. Саманта толкнула дверь и вошла в комнату.

Она выкинула бы все вещи Эмили в окно, если бы они были. Только вот здесь ничего не было. Все ее вещи забрала мама, упаковала в коробки и унесла на чердак, некоторые оставила в доме. В квартире Саманты нет вещей сестры, так сейчас необходимых просто для того, чтобы выкинуть. Освободить место для себя, для незримого шага вперед.

Саманта провела рукой по шероховатой стене. В некогда красивой и отражающей характер своей обитательницы комнате только пыль и воздух.

Эмили хотела себя уничтожить. Не просто убить, а оста-

вить после себя пустоту. Самоубийство не редко всего лишь способ привлечь к себе внимание, как порыв, бессилие перед самим собой, крик души. Самоубийцы говорят о смерти, говорят о суициде, их слова звучат пугающе, но они забываются, пока самоубийство не становится свершившимся фактом.

С Эмили такого не было. Саманта никогда не слышала, чтобы Эмили говорила о смерти или суициде. Эмили молча планировала убийство. Она не оставила улик. Никаких слов на смятых листочках, никаких прощаний и сентиментально-обвинительных фраз, никаких депрессивных песен и стихов. Ничего за что можно было бы зацепиться.

Она была вменяема и адекватна, когда сделала шаг в пустоту. Эмили действовала с расчетом и хладнокровием убийцы.

И, все же о чем она думала? Что ее заставило? Почему? Что происходило у нее в голове, что скрывалось за ангельским терпением и спокойствием?

В Новом Орлеане Саманта не чувствовала присутствие сестры, не нуждалась в одобрении: ни ее, ни матери. Невыносимое чувство свободы, будто несешься по скоростной трассе под оглушительные риффы AC/ DC.

Что если ей удалось отпустить Эмили, попрощаться с ней в заброшенном одиноком доме, в истерзанной душе юга.

После ужина Саманта прогулялась до пристани и купила билет на пароход Creole Queen. Раз уж она здесь, то стоит

увидеть еще что-то интересное, кроме брошенного дома и своего отеля с загадочной хозяйкой.

Августовский ветер пел песни осени. В воздухе чувствовался терпкий пряный привкус. Время легкой грусти и больших надежд, подведение итогов беззаботного лета, прощание с шизофреничкой любовью, зародившейся весной.

Для Саманты август пах яблоками. Год назад она гуляла в саду у заброшенного дома в Кливленде и воздух отдавал сладостью. Она фотографировала старую яблоню, ветки которой прогнулись до земли под тяжестью урожая. Саманта распечатала фото и написала поверх голубого неба — «Август пахнет яблоками». Для ее это стало приметой последнего летнего месяца. Сладость приглушающая горечь.

Саманта прилетела в Кливленд в пять утра. Она заехала домой, приняла душ и переоделась. Привезенные фотографии она разложила на полке в кладовке, чтобы просушить и не испортить на свету, после она сложит их в конверт, подпишет и уберет в коробку.

Саманта окинула взглядом полку с аккуратно расставленными баночками с запечатанными мечтами. Красиво и даже оригинально — погрузить мечты в формалин в прямом смысле. Идея, пришедшая ей когда-то, стала занимательным хобби, как шитье одеял пэчворк, создание мыла авторской работы и декупаж. Она же может красиво запечатать мечту в

формалин. Мертвую мечту, которая будет напоминать о том, что когда-то была живой. Как рассказы про Эмили. Их героиня тоже была когда-то живой. Ее красота на бумаге, в словах, написанных Самантой. Это ее формалин, и она застыла в нем навсегда. Что не скажешь о маленьких бумажках с мечтами. Они покоятся в смешанном с водой сорокапроцентном растворе формальдегида.

Саманта взяла баночку с мечтой о Беннингтонском колледже. Сейчас бы она уехала туда не раздумывая, пусть и наперекор родителям, но три года назад не смела даже подумать о таком.

Конверт из колледжа тоже хранился здесь, в картонной коробке, вместе с исписанными блокнотами, школьными тетрадями по литературе, между страниц которых хранились засушенные цветы.

Флакон и конверт она забрала из чулана, поставила на стол, рядом с ноутбуком и стопкой книг. Саманта решила, что подумает, что делать с этой мечтой, как избавиться от гнетущего чувства совершенной ошибки.

По дороге в свой книжный, Саманта наблюдала за людьми. Смотрела на них, как на героев книги. Проходя мимо кафе, она мельком глянула в окно на посетителей, спешно заказывающих кофе, чтобы выпить его на бегу, и на тех, кто мог позволить себе неспешный завтрак за просмотром новостей в телефоне или за чтением книги. Взгляд Саманты

упал на блондинку, сидящую с книгой в руках у окна, она сосредоточенно читала, ни на секунду не отрываясь от своего занятия. Саманте она показалась знакомой. Она где-то видела ее. Или, возможно, они даже знакомы. Например, через Сару. Саманта хотела вернуться к кафе и взглянуть на девушку еще раз, но не решилась. Это уже слишком.

Она пошла дальше, думая о девушке в кафе и не могла понять, почему не хочет отпускать ее образ.

Саманта перебирала в памяти знакомые лица.

«Она похожа на Эмили!» — мысль будто током ударила.

Среди множества книг Саманта нашла свою крепость, но не могла найти свой сюжет, свою тему. Сегодня ей это тоже не удалось. Она ждала момент, когда придет Пейдж, чтобы закончить день в магазине в старом здании.

Девушка, напомнившая Эмили, всколыхнула утихшие чувства. Неужели ее жизнь движется вокруг погибшей сестры настолько сильно, что она уже видит ее в случайных людях. Сколько шагов до сумасшествия, до паранойи, до того момента как она сама перестанет быть собой. А кто она? Что любит, чем живет? Книгами, дорогами, заброшенными домами. Всем тем, что дает уединение, запирает в своем одиноком мире.

Ей нужно было больше говорить об Эмили с родителями, тогда, после трагедии, говорить о причинах, пытаться понять. Пусть было бы больно и невыносимо, но они бы отпу-

стили свою боль и тоску.

Колокольчик на двери звякнул, и Саманта вынырнула из мыслей. В магазин вошла Сара, она просто светилась от счастья, так что могла бы заменить свет всех лампочек в помещении.

— Привет, Саманта! — радостно сказала она. — Ты могла бы мне позвонить, как приехала. Рассказывай, как съездила?

— Привет, Сара! — улыбнулась в ответ Саманта. — Я уж думала, ты про меня забыла.

— И не надейся!

— Вот уж на что не надеюсь, так на это. Съездила я нормально. Тетя, как ни странно, обрадовалась мне. Видимо нуждалась в том, чтобы о ней вспомнили. Рассказывала о своей молодости и о том, какая она была красавица, — уверенно сочиняла Саманта. Она чуть не забыла, что наплела Саре про тетю.

— Она была красавица?

— Нет, но у нее был стиль и очарование. Видимо этим и брала, — улыбнулась Саманта, радуясь, тому, что ловко сплела из ничего образ тети.

— Пойдем сегодня на выставку, — Сара протянула рекламный буклет. — Фотовыставка. Фотограф делает городские портреты. Люди города. Это не модели, а обычные люди, — затараторила Сара. — Ты пойдешь? Пожалуйста, сходи со мной на выставку! Хватит сидеть в своих книгах, Белль!

— Да, я пойду, — ответила Саманта. На самом деле ей

не хотелось никуда сегодня идти. Она устала и хотела спать. Но и обижать Сару ей не хотелось, пусть они и договорились говорить прямо, если что-то не так, Саманта не хотела этим злоупотреблять, к тому же Сара умела находить что-то интересное.

— Отлично. Ты сегодня просто милашка.

— Спасибо, Сара. За пару дней меня назвали и милашкой, и южанкой, по-моему, я в двух шагах от популярности.

— Я не понимаю твой юмор.

— Он слишком английский с примесью ново-орлеанского, — улыбнулась Саманта.

— Выставка сегодня в семь. Где встретимся? — спросила Сара.

— У входа в галерею, — ответила Саманта.

— Я думала, мы перед выставкой зайдем в кофейню и поболтаем. Пейдж отпускает тебя раньше, я это знаю!

— Да, это так, но это не значит, что у меня нет никаких дел, — ответила Саманта.

— Хорошо, — ответила Сара. По ее лицу было видно, что она хотела спросить еще о чем-то, но сдержалась. — Тогда встретимся у входа в галерею.

На выставку Саманта пришла минута в минуту. Сара тут же схватила ее за руку и потащила в галерею.

— Ты могла бы прийти раньше! — проворчала она. — Чем ты таким интересным занималась?

— Болтала с Пейдж Коултер о литературе и книгоиздании. Она интересно рассуждает о современных авторах и классиках. Пейдж считает, что среди потока современной прозы обязательно найдутся книги, которые будут перечитывать и писать по ним исследовательские работы, а пока — пока это всего лишь продаваемая или не очень литература, остальное покажет время. Потом я просто прогулялась по городу, привела мысли в порядок.

— Это твои дела? — удивилась Сара.

— Да, это мои дела, для тебя они может и глупые, но для меня кое-что значат.

— Я уже думала, что ты с кем-то встречаешься. Например, с Чаком.

— Нет. И ты знаешь значение фразы «личная жизнь»?

— Извини, Саманта. Все, эту тему я закрываю.

— И куда ты меня тащишь? Может, уже дашь мне спокойно посмотреть фотографии?

Сара остановилась. Она действительно тянула Саманту за руку, целенаправленно пересекая зал.

— Извини, — сказала Сара. — Я и сама не заметила, что куда-то бегу.

— Пойдем, посмотрим работы, — Саманта подошла к одной из фотографий.

— Ты пока смотри, а я пойду, поздороваюсь со знакомой, — и Сара уже направлялась к кому-то, приветливо махая рукой.

Саманта улыбнулась, глядя на нее. Сколько же у Сары знакомых? Такое чувство, что она знает полгорода.

Оставшись одна, Саманта огляделась. Народу пришло не слишком много и все с задумчивым видом взирали на работы, перешептывались друг с другом. Саманта рассматривала лица людей на фото, отмечая, что все они похожи своей красотой и небрежной стильностью жителей больших городов.

Их улыбки, задумчивость, нерешительность, счастье, удивление — калейдоскоп эмоций в глазах Саманты. Кто эти люди, что происходило и происходит в их жизнях? О чем они думали, глядя в объектив? С какими трудностями продолжили бороться, когда кадр был сделан и образ для фото развеялся? И может ей самой стоило вытащить вчера Сару на задний двор магазина и сфотографировать на фоне кирпичной стены, какой бы она была на фото, такой же, как и в своей быстрой жизни, угадывались бы ее черты характера, быстрая речь и крайняя приставучесть? Возможно. Может, она бы выглядела такой же небрежно идеальной, как все эти люди. Какой была бы на этих фото Эмили? Сейчас. Если бы была жива. Какой бы она стала?

Саманта хотела оставить Эмили в Новом Орлеане и начать свою жизнь. Не получилось, не так-то просто закрыть двери для Эмили. И случайная девушка в кафе напомнила о ней.

Саманта неспешно переходила от фотографии к фотографии. Красивые портреты. И у нее они вызывали воспоминания о сестре, о том, как они жили в Кливленде до траге-

дии. На выставочные фото наслаивались другие, из памяти Саманты. Улыбающаяся мама, солнце в ее светлых волосах; Эмили, позирующая у кирпичной стены; Саманта и Эмили у новогодней елки; Эмили со своей подругой Джеки. И уезде улыбки и счастье. Солнце. В воспоминаниях Саманты было много света и тепла. Они много улыбались и были счастливы, искренни.

Саманта незаметно ушла с выставки. Ей хотелось пройтись. Подумать. Наконец-то взглянуть на сестру другим взглядом. Не пытаясь сочинить рассказ, в котором Эмили жива.

В «Рок энд Роуз» играла музыка, что на века. Саманта была уверена, что ее дети, а после и внуки, также по достоинству оценят эти композиции, сочетающие в себе красоту и агрессивность, искусство, что дает силы идти вперед.

— А вот и наша Сэмми! — объявила Марисса. Саманта уже спешила к стойке, и, садясь на высокий стул, улыбнулась бариста.

— Новый Орлеан чудесный город! Он необыкновенный, и не было там никакого Папы Легбы.

— Я рада, что этот город не напугал тебя, а то всякое бывает.

— Он пропитан мистикой, но у меня все прошло хорошо. А где Чак? Он сегодня будет здесь?

— Здесь он. Потерял тебя, а я сказала, что ты улете-

ла на юг познавать кандомбле, — рассмеялась Марисса. — Чак, Сэмми вернулась! Папа Легба отказался от ее души! — крикнула она куда-то в сторону кухни.

— Привет, Сэмми! — Чак вышел к ней, улыбаясь.

— Привет! Еще раз извини за то, что вот так ворвалась в твою жизнь вне бара, — сказала Саманта немного смутившись.

— Ничего страшного. Больше так не делай.

Он смотрел на нее все тем же теплым взглядом, что и всегда. В его голосе не было укора, обвинения и осуждения. И, тем не менее, что-то изменилось. Голос и взгляд принадлежали ее другу — Чаку, но он находился далеко от нее. Дальше, чем за барной стойкой.

— Не буду, уж поверь, — сказала она, заправив выбившуюся прядь волос за ухо.

Саманта отгоняла от себя непонятные чувства из смеси ревности и стыда. Они остались друзьями, и так же будут разговаривать и придумывать истории, так что совсем не страшно, если они не смогут прийти в гости друг к другу и поехать куда-то вместе. Она не станет для него кем-то большим, что поделать.

— Как дела с девушкой? — спросила она.

— Трейси попсиховала, но успокоилась. Она может устроить бурю, но быстро отходит. Так что все нормально, ты ничего не разрушила. У тебя как дела? Твоя подруга тебя искала.

— Сара? Я же ей сказала, что еду в Новый Орлеан.

— Может, она забыла?

— Вряд ли. Сара не из тех, кто забывает. Скорей всего ходила на разведку. Она хочет мне помочь. Я не знаю, почему она не понимает, что мне не нужна ее помощь в таких количествах.

— Нас научили отвергать помощь.

— Еще научили не лезть в чужие дела, но некоторые из нас плохо учатся. Так что мы с Сарой не такие уж и разные. Может нам как раз нужно дружить. Две зануды, которые не учатся должны держаться вместе.

— Нет, Сэмми. Ты учишься слишком хорошо, настолько хорошо, что даже страшно. Я знаю, что ты больше никогда не придешь ко мне домой, и не будешь названивать без остановок. От этого немного грустно.

— Ну, если ты будешь в этом нуждаться, то просто напиши — «Сэмми, начинай звонить!». И я начну набирать твой номер без остановки. И даже приеду, если буду в Кливленде.

— Ладно, если что, напишу, — улыбнулся он.

— Пора идти, увидимся, — улыбнулась Саманта, спрыгивая со стула.

— Саманта, все в порядке? — спросил Чак.

— Да. Все в порядке, не знаю в каком, но порядке.

Саманта пошла к выходу, Чак смотрел ей в след, отмечая, что в ней что-то изменилось, что именно он не мог понять.

— В ней что-то изменилось, — сказал он.

— Или в тебе, — ответила Марисса. Чак промолчал.

Глава 3. Are We the Waiting³

Саманта остановила машину на обочине своей заброшенной трассы. Она вышла из машины и легла на асфальт. Днем в книжном было много посетителей, что не могло не радовать. Люди все еще читают бумажные книги. В свободную минуту она позвонила Саре, поблагодарила за приглашение на выставку.

— Ты ушла ничего не сказав, как всегда. А теперь благодаришь!

— Не хотела тебя отвлекать, ты о чем-то очень увлеченно говорила со своими друзьями.

— Ты тоже моя подруга, так что могла бы и подойти, а не уходить тихо и незаметно. Я тебя потеряла.

— Ну вот я нашлась.

Сара вздохнула. Саманта сдерживала смех. Потеряй ее Сара вчера на самом деле, она бы оборвала телефон и даже приехала бы к ней домой, или в «Рок энд Роуз». Сара не сразу заметила, что Саманта ушла и не особо удивилась.

На трассе звучала тишина, небо окрасилось в розово-фиолетовые цвета заката.

Саманта привыкла к размеренной жизни, в которой ничего не происходило и дни тянулись монотонно, перебиваемые

³ Название песни группы «Green Day»

рассказами о сестре, редкими поездками к родителям, работой, разговорами с Чаком. Ощущением остановившегося момента. И она разбила защитное стекло своего мирка. Пришла без приглашения домой к Чаку, уехала в Новый Орлеан. И достала из чулана мечту о колледже и конверт с ответом.

Отказ пришел бы в тонком, обычном конверте, в большом присылают ответ о зачислении и каталог с курсами. Открыть конверт самой слишком просто и обыденно. Саманта так не хотела. У нее есть родители, которые, как она считала, должны были поддержать ее выбор, а не навязывать желания Эмили. Она знала, как поступит с конвертом. Откроет его вместе с родителями. Они должны знать, что три года назад Саманта поступила. Снова попыбует заговорить с ними о том, что случилось с Эмили и с ними.

Саманта закрыла глаза и тяжело вздохнула. Ей придется быть жесткой и в чем-то безжалостной.

Ее мать, Барбара Лейк, стремилась к тому, чтобы ее семья была идеальной. Она придумала себе совершенную жизнь и жила ею, делая все, чтобы в семье царила гармония и радость, она была хорошей мамой, женой, хозяйкой и архитектором. Барбаре нравилось, что у нее все получается, как ей нужно. Они счастливы. Были счастливы. Красивая семья, две дочери, дом в пригороде, чтобы жить там летом и квартира в Кливленде. Крепкая и дружная семья. Такими они были, пока Эмили не покончила с собой. И мама из улыбчивой и энергичной стала тенью самой себя. Ухватила за об-

раз дочери. Эмили. Джордж Лейк во всем и всегда поддерживал жену и оберегал.

Саманта отошла на второй план. Она не Эмили, но должна равняться на сестру. В плане учебы и целей. Серьезных целей. Писательство не было для Барбары Лейк чем-то серьезным. Саманта не верила, что мама боялась отпускать ее в Вермонт. Беннингтонский колледж у Барбары никак не ассоциировался с Эмили. Саманта понимала, что мама страдает и горюет по старшей дочери, и заполняет пустоту как может. Скорбь и тоску Саманты по сестре Барбара принимала как должное, а ее попытки говорить о ней оценивались как подростковая жестокость. Отец был мягче, снисходительней, но и он не придавал большого значения чувствам Саманты.

Ей же хотелось поговорить об Эмили. Как о своей сестре и их дочери, а не об идеале, к которому Саманта должна стремиться и без чувства вины, которое все трое хранили в себе после трагедии.

Но родители молчали. Они не хотели говорить о случившемся, вспоминать Эмили в кругу семьи, как некогда живую и не совершенную — тоже. Словно Барбара и Джордж бежали от правды. И Саманта вместе с ними. Только ей больше нечем заполнять пустоту внутри. И нужно двигаться дальше, но она не может. Недосказанность с родителями и мечты, погруженные в формалин, держат ее на месте.

От земли начинало холодать, и Саманта ушла в машину. Включив музыку, она смотрела на дорогу. Она мечтала

отправиться в путешествие по легендарной трассе 66. Эта мечта была закупорена в банку без попытки к осуществлению. И таких мечт было не мало. У большинства из них истек срок годности. Они потеряли свою актуальность, значимость, силу. Мечты как йогурт, который следует употребить до определенного срока. Каждая мечта значительная. Только них время ограничено.

А некоторые нужно отпустить.

— Привет, мама! Не против, что я приехала? — сказала Саманта, заходя в дом. В руках она держала плотный конверт формата С4.

После работы она поехала к родителям, с конвертом из Беннингтонского колледжа, баночку с мечтой Саманта тоже прихватила с собой, оставив в машине.

Барбара сделала шаг назад, с опаской глядя на дочь. Она не ждала ее сегодня увидеть, тем более нервной и с конвертом в руках.

— Ты не выключила фары, — заметил отец, кивая на окно.

— Пожалуйста, выключи, — она бросила отцу ключи. Джордж не ожидал этого, ключи со звоном упали у его ног. Он поднял их, благодарно кивнул Саманте, и вышел на улицу, прихватив со столика в прихожей пачку сигарет. Хороший повод уйти из дома, пока дочь и жена не начали ссору.

Он знал, что поругаться им ничего не стоит, и не хотел присутствовать при этом. Быть арбитром между ними выматывающее занятие.

— Папа, надеюсь, что ты не долго. Ты тоже нужен.

— Может, пройдешь в гостиную? — Барбара скрестила руки на груди.

Саманта пошла в гостиную, Барбара последовала за ней, не расцепляя рук. Саманта нервничала, но держалась, чтобы не отступить, не отказаться от своей затеи во благо хрупкого мира. Она не любила ссориться. Барбара не любила, когда ее выдергивают из ее уютного статического мирка.

— Что случилось, Саманта? Твои дела не могли подождать до выходных?

— Нет, — Саманта села на край дивана, не сводя глаз с мамы.

Конверт из Беннингтона, свидетельство ее трусости и послушности, она прижала к груди, закрываясь им и в тоже время показывая с чем она пришла. Вероятно, впереди большая ссора. Так, что помимо колледжа можно поговорить и об Эмили. Пока есть силы и решительность.

— Что в конверте? — спросила Барбара.

— Подождем папу, — ответила Саманта.

— Твой очередной рассказ? — в голосе мамы звучала насмешка. Саманта проигнорировала ее.

— Узнаешь.

Барбара села в кресло, наискосок от дочери. Она больше

не задавала вопросов, а терпеливо ждала мужа. Саманта что-то задумала. Или уже что-то сделала. Барбара чувствовала лишь усталость. Она хотела лечь спать. Она всегда ложилась рано. Сейчас семь часов вечера, и она уже должна быть в постели. На тумбочке у кровати фото Эмили. Она улыбается ей с фотографии. Из лета, в котором еще живая.

— Что случилось, Саманта? — Джордж вошел в комнату и сел на диван рядом с ней.

— Это письмо из Беннингтонского колледжа, — она протянула конверт маме.

— И?

Барбара не спешила его брать.

— Помнишь, мы как-то давно говорили на тему образования? Я говорила о том, где бы хотела учиться, и что подала туда документы. Но я не смогла пройти против вас, не смогла взбунтоваться и поступить по-своему. Мне было страшно, что, уехав, я потеряю вас. Судя по конверту, я поступила. У меня не хватило смелости его открыть.

— Теперь не страшно? — спросила мама, беря конверт.

— Мне уже не семнадцать. Да и поезд в Беннингтон ушел без меня. Открой конверт.

— Ты винишь нас? — спросил папа.

— Нет, так сложились обстоятельства. Мама, открой конверт, пожалуйста.

— Мне нужен канцелярский нож.

— Вот, — Саманта указала на нож на журнальном столи-

ке. Барбара бросила сердитый взгляд на мужа, а Саманта еле сдержала усмешку. Маме не удалось выиграть время.

— Саманта, зачем все это? — спросила она, вскрывая конверт.

— Так надо. Мне важно, чтобы вы узнали, что я могла бы учиться в Беннингтоне.

Барбара покачала головой. Она достала из конверта письмо и каталог с курсами.

— Что ж, — тяжело вздохнула она. — Так и есть, ты поступила.

— Зря я не сбежала тогда? — спросила Саманта.

Барбара пожала плечами. Джордж молчал.

— Что дальше? — спросила Барбара, не глядя на дочь.

— Ничего. Нужно было перевернуть эту страницу, перестать думать о содержании конверта. Ты видишь, что я могла бы учиться там, где хотела. А в итоге я здесь. Потому что мы не можем принять, что, в нашей семье случилась трагедия, но жизнь не закончилась. Давай поговорим об Эмили. Пожалуйста. О моей сестре.

Барбара подняла на Саманту пустой взгляд. Закрылась. Как всегда. Она положила конверт с каталогом на журнальный столик и скрестила руки на груди.

— Саманта, — папа положил ей руку на плечо. — Ты знаешь, как мы относимся к таким разговорам. Они причиняют боль.

— Так может пора избавиться от боли, прожив ее полно-

стью? Прошел не год и не два.

— Какая разница? — спросил он.

— Вы не понимаете, что вы не отпускаете Эмили? И не принимаете меня, и себя тоже. Я люблю Эмили. Но ее образ стирается и превращается в нечто эфемерное, не настоящее. Еще хуже, что я не могу ее отпустить. Не могу не думать о ней. И мне не с кем ее вспомнить. Не с кем поговорить о моей сестре. Не о той идеальной, а об Эмили настоящей, какой она была.

— Мне самой кажется, что я ее плохо знала, — тихо призналась Барбара. — Она твоя сестра и ты про нее знаешь достаточно и даже больше, чем я. О том, что Эмили любила книгу Харпер Ли я узнала от тебя после ее гибели.

— Она могла свободно цитировать эту книгу. И ты не знала, что это ее любимое произведение?

Барбара кивнула. И сильнее сцепила руки.

— Еще она слушала Уитни Хьюстон, помнишь? Одна девочка в школе сказала, что Хьюстон уже не модная. Эмили ответила, что ей нравятся песни и голос, а не мода. И, если для вас это важно, то я больше не пишу про Эмили.

Барбара быстро взглянула на дочь и снова отвела взгляд.

— Но чего-то все равно не дает мне покоя, я все время чувствую, будто бы Эмили рядом и чего-то ждет от меня, — продолжила Саманта. — Почему она так поступила? Я думала об этом, но ничего не нашла, не поняла. Почему мы никогда не пытались понять причины вместе?

— Саманта, на такие вопросы нет ответов, — сказал папа.
— И давай закроем тему.

— Я не хочу закрывать эту тему, папа. Я хочу ее прожить с вами, понять и принять. Порой я думаю, что могла бы ее спасти, но не знаю как, и мне кажется, будто я виновата в том, что ее нет, — на глазах Саманты выступили слезы, она глубоко вдохнула сдерживая их.

— Саманта, ты не виновата, ты не должна себя винить, — успокаивающе сказал Джордж. — Ты не могла помочь Эмили. Твоей вины нет.

— Я потеряла не только Эмили, — голос Барбары прозвучал тихо и надломлено.

— Барбара? Ты уверена?

Саманта недоуменно перевела взгляд с одного родителя на другого.

— Да, — твердо ответила мама. И Саманта остановила взгляд на ней.

— Это должно было рано или поздно произойти. Этот разговор. Ты будто издеваешься надо мной. Похоже, я это заслужила, — она кивнула на конверт.

— А я заслужила знать, что вы скрываете. Ведь вы что-то скрываете?

— Это не просто.

— Я понимаю. И слушаю.

— Эмили родилась не одна, у нее был близнец, — Барбара не смотрела на Саманту, ее взгляд был устремлен в пустоту,

она говорила будто сама с собой. — Эту девочку мы называли Мэри, и она была очень слабая. Эмили была здоровым и сильным ребенком, а Мэри умерла. Я выносила и родила двух детей, а вернулась домой с одной Эмили.

Барбара тяжело вздохнула. Саманта не знала, что сказать.

У Эмили была сестра-близнец. И она умерла.

— Мама, почему ты не рассказывала об этом? — по щекам Саманты катились слезы. — Почему вы не говорили, что у нас была еще одна сестра?

— Тебе это будет трудно понять, — ответила Барбара.

— Я пойму.

— То, что ты смогла поступить в Беннингтонский, не значит, что можешь все понимать.

— Ты права, — согласилась Саманта. — Вот если бы я уехала туда учиться, то понимала бы гораздо больше.

— Хватит, Саманта! — Джордж встал и подошел к жене. — На сегодня хватит разговоров на больные темы. И тема про Беннингтонский колледж тоже закрыта. Да, мы были не правы. Теперь все!

Сегодня больше ей ничего не расскажут. Мама ушла в себя, а папа будет охранять ее покой. Саманта хотела сказать, что ей жаль, что Мэри умерла, но не стала ничего говорить.

Она и так переступила черту дозволенности, установленную в их семье. Узнала тайну, оберегаемую родителями, как от детей, так и от самих себя. Они сделали все, чтобы создать счастливую семью, в которой не случается ничего плохого.

Они выбрали воспеваемое благоденствие ради Эмили и Саманты. И не хотели рассказывать об умершем близнеце никому и никогда. В их семье не должно было такого случиться.

— Спасибо, что поговорили со мной. Я не хотела причинять вам боль.

Саманта чувствовала себя виноватой перед ними, и в то же время была рада, что узнала про близнеца. Боль застыла на лице Барбары, она не смотрела на дочь, а Саманта не решалась подойти к ней и обнять.

— Ты поедешь в Кливленд? — спросил ее папа.

— Да, мне утром на работу, — тихо сказала она. — Пока, мама.

Саманта подошла и быстро обняла маму. Отстранившись, она слегка улыбнулась, Барбара натянуто улыбнулась в ответ.

— Ты в порядке? — спросил папа, выходя с Самантой из дома. — Готова сесть за руль?

— Да, все хорошо.

— К теме близнеца мы больше не возвращаемся.

— Хорошо, — ответила Саманта.

— По правде сказать, я рад, что ты все знаешь, что Барбара смогла рассказать. Произнести вслух то, о чем не говорила и даже старалась не вспоминать.

Саманта кивнула. Тайна перестала быть тайной и потеряла свою силу. Сейчас нужно вернуться в Кливленд и приве-

сти мысли в порядок.

— Ладно, я поеду, — Саманта села в машину, положив конверт из колледжа на соседнее сидение. Рядом с запечатанной мечтой.

— Пока, Саманта. Ждем на День благодарения. Надеюсь, все будет хорошо.

— Пока, папа.

Она грустно улыбнулась и включила зажигание, минуту она смотрела на дом и отца, после махнула на прощание рукой и стала отъезжать от дома.

День благодарения только в октябре, до него еще не скоро, и она и отец это понимали. В этой фразе было нечто большее, чем приглашение на праздник. Тактично, но твердо Саманте дали понять, что ее здесь ждут только по праздникам и в хорошем настроении. Там будет витать призрак Эмили и никто не захочет говорить на неприятные темы. Саманта не должна больше нарушать скорбное благоденствие, вытаскивать их боль наружу.

Она чувствовала себя ненужной, как ее заброшенная дорога, как брошенные дома. Она включила музыку, чтобы отвлечься и привести мысли в порядок. Музыка помогала расслабиться и собраться, она психолог, свидетель и соучастник. Музыка не совершь, она будит сердце и разум, она не даст соврать самой себе.

Пока Саманта добралась до дома, на улице стемнело. Ее жилище в графитовом сумраке казалось ей чужим и неудобным. Она прошла на кухню и включила свет. Поставила чайник. Конверт и баночку с мечтой положила на стол, потом уберет.

До нее только начало доходить в полной мере, что не только Эмили не знала о своем близнеце, но и Саманта о своей сестре. Она прислушивалась к своим чувствам. И не могла их понять. Безусловно, она могла сказать, что чувствует обиду, жалость к умершей новорожденной девочке, стыд, от того, что вынудила маму вспоминать не самые приятные моменты и эгоистичную радость, от того, что Барбара говорила с ней, а не молча ушла в спальню. Она могла так поступить, сослаться на мигрень и уйти.

У Саманты были воспоминания о сестре и образ из рассказов. Настоящая Эмили ускользала от нее, но не уходила. Не отпускала. И вот новость — у Эмили была близняшка. Она пришла не одна в этот мир. Знала ли Эмили об этом? Чувствовала ли она, что ей кого-то не хватает или она чего-то не знает о себе? Чего-то важного, что не узнаешь так просто?

Ее мысли прервал звонок в дверь. От неожиданности Саманта вздрогнула. Гостей она не ждала. Звонок повторился. Саманта пошла открывать, надеясь, что возможно это Чак. Решил сам прийти к ней, поговорить вне бара, как она при-

шла к нему. Внезапно и без приглашения.

Саманта открыла дверь. На пороге стояла Эмили и улыбалась ей.

Саманта схватилась рукой за двери, силясь сохранить спокойствие и не закричать от переизбытка эмоций. Меньше двух часов назад она узнала, что у Эмили был близнец. И вот на пороге стоит Эмили. Взрослая и красивая. Загорелая, с длинными светлыми волосами, с очаровательной улыбкой и чуть насмешливым взглядом. Только вот Эмили мертва.

— Вы к кому? — спросила Саманта. Она хотела задать вопрос сильным, уверенным голосом, но вышло слабо и неуверенно.

— Привет. Меня зовут Глория. Ты ведь Саманта Лейк? — сказала девушка. Саманта кивнула.

— Я знаю, что выгляжу как Эмили.

— Нет, ты похожа на Эмили, но не выглядишь как она, — начала Саманта, но осеклась. Что за чушь она несет?

— Понимаю, о чем ты.

— Глория, кто ты и что здесь делаешь?

— Я сестра-близнец Эмили и у меня долгая история. Не хотела тебя пугать или застать врасплох. Хотя, вряд ли получилось бы иначе. Мне показалось, что ты закричишь.

Саманта едва заметно кивнула.

— Да, вряд ли бы у тебя получилось не застать врасплох.

— Можно мне войти?

Саманта медлила с ответом. Все как-то странно. И страш-

но пускать незнакомого человека в свой дом на ночь глядя, особенно похожего на умершего родственника. Ведь так начинаются фильмы ужасов?

— Нет, — ответила Саманта. — Ко мне нельзя зайти.

— Давай где-нибудь встретимся завтра? В «Рок энд Роуз», например, — улыбнулась Глория.

Саманту передернуло и от улыбки Глории, и от упоминания «своего» кафе. Еще она понимала, что вряд ли сможет спокойно прожить эту ночь и завтрашний день, гадая, что же там за история у Глории, близнеца Эмили. Близнеца, про существование и смерть которого она только что узнала.

— Пойдем туда сейчас и поговорим.

— Хорошо.

Саманта схватила куртку и телефон, закрыла дом под внимательным взглядом Глории, и они пошли в кафе, так много значащее для Саманты.

— Ты давно в городе? — спросила Саманта.

— Не очень.

— Но про «Рок энд Роуз» знаешь.

Глория кивнула, хотя это и не было вопросом. Она чувствовала, что Саманта нервничает. Она и сама нервничала, но лучше сохраняла спокойствие.

— Я понимаю, как это все выглядит.

— Нет, не понимаешь, — перебила ее Саманта. — Ко мне приходит моя сестра, моя взрослая красивая сестра. Которая умерла. Эмили. И говорит, что она близнец. Который, кста-

ти, как мне сказали, тоже умер.

— Но ты пошла со мной в кафе.

— Потому что мне интересно.

— Мне тоже, — ответила Глория. — Я долго не решалась приехать в Кливленд. Я знала, что моя сестра-близнец мертва.

Саманта взъерошила волосы и остановилась.

— Все нормально? — спросила Глория.

— Нет. Все ненормально, — Саманта достала из кармана куртки пачку «Мальборо» и, вытряхнув сигарету, закурила. — Я не с того начала. Глория.

— Что?

— Давай знакомиться. Я Саманта Лейк, родилась и живу в Кливленде, штат Огайо. А ты?

— Глория Хатчерсон, родилась в Кливленде, штат Огайо. Родная мать от меня отказалась, меня удочерила медсестра Джоанна Хатчерсон и увезла в Сан-Франциско, штат Калифорния. Приятно познакомиться, Саманта.

Саманта нервно улыбнулась.

— Пошли, — сказала она. — Слишком много информации. У тебя есть документальные доказательства, что ты близнец Эмили?

— Внешности тебе мало?

— Внешность в наше время вообще не проблема. Так?

— Верно. Рада, что у меня умная младшая сестра.

— Не знаю, что и сказать в ответ.

— Можешь порадоваться, что у тебя воскресла одна из сестер, — улыбнулась Глория.

— Если бы в нашем мире существовал Джон Константин и у меня был бы его номер, я бы уже вовсю звонила ему.

— Почему мы пошли пешком, а не поехали на машине? — спросила Глория, пропуская слова об охотнике за нечистью.

— Я не сажусь в машину с... воскресшими сестрами.

— Но прогуляться не прочь.

— Любопытство. Так ты можешь доказать, что ты близнец Эмили?

— Да.

Саманта выбросила окурок в урну.

Только она сделала шаг в сторону от Эмили, начала разбираться со своей жизнью, съездила к родителям, вскрыла конверт из колледжа и узнала о близнеце. И появляется Глория. Почти мистическое совпадение, словно Эмили вела ее к ней. Саманта усмехнулась. Она не верила во всю эту мистическую чушь, но, похоже, что только эта мистическая чушь пока и способна мало-мальски оправдать быстрое отступление призрака Эмили и появление ее близнеца.

Эмили. Глория. Близнецы.

Саманта взглянула на шедшую рядом Глорию. Одного взгляда на нее достаточно, чтобы увидеть Эмили. Вот только Эмили нет. Есть лишь ее близнец, и этот близнец идет с ней в «Рок энд Роуз», место, ставшее неотъемлемой частью ее жизни. Там Чак, там за каждым столиком сидят потенциаль-

ные герои ее рассказов. Кафе-бар наполненный сюжетами и образами, мечтами, уходящими на волю через вентиляционную решетку и открывающиеся двери.

Перед глазами Саманты встала картина, которую она старалась не вспоминать.

Мертвое тело Эмили на асфальте перед домом, раскрытые глаза, струйка крови из уха и самое жуткое — улыбка на губах. Розовые губы Эмили улыбались. И Саманта смотрела на них, и ей хотелось взять мел и нарисовать Эмили крылья, огромные ангельские крылья. Эмили даже в столь жуткой смерти была прекрасна. Прекрасная в жизни, прекрасная в смерти. Когда же до сознания Саманты дошло, что сестра мертва и крылья ее не поднимут, она закричала. Кричала и кричала.

— Остальные вопросы ты задашь за чашкой кофе? — нарушила тишину Глория.

— Да, — ответила Саманта. — Почему именно «Рок энд Роуз»?

— Тебе там не нравится?

— Наоборот, очень нравится.

— Расскажи мне об Эмили. Какой она была?

— Расскажу после того, как ты расскажешь о себе.

— В прошлом году я прочитала твой рассказ в журнале, — сказала Глория. — Саманта Лейк. Твое имя напомнило мне об Эмили. Я решила найти тебя. Не предполагала, что у меня есть сестра писательница.

Саманта пожала плечами.

— Мне понравился рассказ, — продолжила Глория. — Ты ведь писала про Эмили? Печально и красиво.

Глория не стала больше задавать вопросов. Она была готова к встрече и изучила жизнь Саманты на сколько это было возможно. Глория пришла к выводу, что жизнь Саманты Лейк однообразная и скучная.

Посетителей было не много и это радовало Саманту. Она взглянула в сторону барной стойки и, встретившись с Чаком взглядом, улыбнулась ему, на мгновение забыв про Глорию. Чак улыбнулся ей в ответ и помахал. Сидящая за барной стойкой девушка обернулась, и Саманта узнала в ней Трейси. Видимо она решила не оставлять своего парня по вечерам без присмотра. Она кивнула Саманте в знак приветствия и Саманта ответила тем же.

— Твои знакомые? — Глория кивнула в сторону Чака и Трейси.

— Типа того, — ответила Саманта.

— Возьму нам что-нибудь, — сказала Глория.

— Нет, я сама что-нибудь принесу! Что ты хочешь? Я угощаю.

Саманте не хотелось, чтобы Глория подходила к Чаку и Трейси. Она видела ее впервые, но чувствовала, что Глория может сказать что-то лишнее. Представиться ее сестрой, на-

пример.

— Возьми мне, пожалуйста, капучино, — ответила Глория.

Саманта пошла к бару. Она избегала смотреть на Чака и его девушку, сосредоточив все внимание на Мариссе, которая появилась как раз вовремя.

— Марисса, привет! — улыбнулась она бариста. — Мне два капучино.

— Ок! — улыбнулась в ответ Марисса.

— Кто это? — спросил у Саманты Чак, кивая куда-то за спину девушки. Трейси изучающее рассматривала Саманту.

— Лучше тебе пока не знать, кто это, — ответила она.

— Кофе я вам принесу, — сказала Марисса.

Саманта вернулась за столик, чувствуя, как начал рушиться ее мир. Она не смогла ответить Чаку прямо и откровенно, как раньше. Из-за Трейси это или из-за Глории она не знала.

Глория разорвала салфетку на полоски и плела коврик.

— Все хорошо? — спросила она, не отрываясь от своего занятия.

— С кофе — да, — ответила Саманта, садясь за столик. — Начинай. Что ты хотела сказать.

— Минутку, — она отодвинула салфетку и достала из сумки папку, положила ее на стол. — Можешь сама ее открыть.

— Нет, давай ты сама мне все расскажешь и покажешь. Я не буду ничего открывать. Ты сказала, что история у тебя

длинная, — Саманта откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

Копия сестры сидела напротив, а на столе коричневая папка из кожзама. Такие папки хранят важные документы и секреты, будто для этого и созданы.

— Хорошо, — Глория открыла папку и достала оттуда два документа. — Это свидетельство о рождении. Мое. Я там уже записана как Глория Хатчерсон. Но дата рождения моя настоящая, как и у Эмили.

Саманта взяла свидетельство из рук Глории, внимательно изучая каждую цифру и букву.

— А это медицинская запись, свидетельствующая о том, что у Барбары Лейк родились две девочки. Это копия. Оригинал нужно искать в архивах Кливлендской больницы. Мама скопировала ее, сама не зная зачем. Видимо, за этим, — Глория протянула Саманте второй листок.

Саманта смотрела на листы, изучая, читая, воспринимая, но не в силах осмыслить.

— А вот это, — Глория достала третий лист. — Это отказ семьи Лейк от одного из детей. От меня. У меня не было тогда настоящего имени, они называли меня условно Мэри, — Глория произнесла это имя с раздражением, будто оно царапало ей язык.

Саманта взяла из рук Глории третий лист. Она не стала спрашивать, почему имя Мэри показалось Глории условным, ведь это такое же имя, как Глория или Саманта, Эмили.

Она читала отказ семьи Лейк от Мэри. Сердце стучало все чаще, все что говорила Глория, казалось выдумкой. Такого не могло случиться, упрямо твердил мозг. Барбара Лейк не могла отказаться от своего ребенка. Она любила Эмили и вторую тоже бы любила... Мэри. Глорию. Саманта видела, с каким трудом и болью мама рассказала о близнеце Эмили, о том, что та умерла, а она по факту потеряла двоих детей. Саманта видела все переживания матери. И не верила, что та могла бросить своего ребенка.

— Ваш кофе, — Марисса поставила чашки на стол. — Что-то еще?

— Счет можно? — улыбнулась ей Глория.

— Конечно!

Марисса ушла.

Саманта смотрела на Глорию.

— Дальше, — тихо сказала она.

Глория извлекла из папки тонкую медицинскую карту и положила ее на стол.

— Это моя медкарта из Кливлендской больницы. Мама забрала ее, когда мы уезжали в Калифорнию. Я была очень слабым ребенком, Эмили забрала мои силы, так бывает у близнецов. Я не могла дышать сама, и не открывала глаза, но, тем не менее, мое сердце билось, слабо, но билось, и мой мозг тоже был жив. Меня подключили к всевозможным приборам, но никто не верил, что я выживу. Даже Барбара Лейк. Только Джоанна Хатчерсон, — Глория отпила кофе.

— Она всегда была убеждена, что каждый ребенок имеет право на жизнь. Видимо это природная доброта и человеколюбие. Она стала меня выхаживать, заботиться обо мне, она доказала, что я смогу выжить. Может, я всего лишь была ее научным экспериментом, но она меня полюбила, и удочерила. У семьи Хатчерсон был уже ребенок, мальчик Глен, ему было пять в то время, он стал моим старшим братом. Я стала Глорией Хатчерсон. Мама и папа решили назвать меня Глория, имя Мэри они посчитали слишком простым для меня. Когда мне исполнился год, мы переехали в Сан-Франциско. Чтобы я не могла встретиться с семьей Лейк, чтобы семья Лейк не разрушила мою жизнь, да и свою тоже.

Глория замолчала.

— На самом деле была еще одна причина переезда в Калифорнию, — продолжила она. — Папа нашел там лучшую работу, и даже дом присмотрел. Мы переехали на западное побережье. Мама рассказывала, что мы ехали туда на машине с прицепом, в котором лежали наши вещи. Я спала всю дорогу, просыпалась только на остановках, а первый день в Сан-Франциско не спала сутки. Почему ты не пьешь кофе?

В глазах Саманты стояли слезы.

— Я не могу поверить, что мои мама и папа могли так поступить. Они бы так никогда не сделали, они бы не бросили своего ребенка, — сказала она. — Эти документы настоящие?

— Конечно. Если не веришь, могу доказать, — ответила

Глория.

— Как?

— Ты мне доверяешь?

— Я тебя знаю от силы час, как ты думаешь? Я прочитала эти документы. Но...

— Сопротивляешься. Ты их видишь, ты видишь меня. Ты отталкиваешь все это, потому что не хочешь принять горькую правду, разрушающую идеальный образ родителей, и не можешь принять меня. Я не Эмили, я Глория. Я не замена умершей сестры, я другая. И я хочу стать твоим другом. Тебе нужно время, чтобы подумать?

— Я и не жду замену Эмили! — Саманта обхватила голову. Она хотела верить Глории. Ей нужны были доказательства подлинности документов. — Знаешь, если я начну все это обдумывать, то сойду с ума. Так что времени нет. Оно мне потребуется потом. Давай доказательства сейчас.

— Пей кофе и пойдем. Только тебе придется довериться мне.

— И куда мы пойдем?

Саманта взяла в руки чашку и отпила остывший кофе. Она не желала идти куда-то с Глорией дальше «Рок энд Роуз», но в глубине души хотела, чтобы все, что сказала Глория, оказалось правдой, она нуждалась в сестре. И понимала, что ей понадобится много времени, чтобы принять ее.

— Увидишь.

Марисса положила счет на стол и тихо отошла. Саманта

поставила чашку и достала кошелек.

— Я угощаю, ты не забыла?

— Помню, — ответила Глория.

Саманта положила деньги за кофе и чаевые, и стала убирать разложенные по столу документы в папку, после чего подала ее Глории.

— Идем, — сказала она вставая.

— Мне нравится твоя решительность, — улыбнулась Глория, убирая папку в сумку.

Глава 4. For the last time⁴

Они стояли у здания Кливлендской больницы, той в которой родились Эмили, Глория и Саманта.

— Что ты задумала? — спросила Саманта.

— Мы пройдем в архив.

— А кто нас туда пустит? Особенно ночью, — она повернулась к Глории. Та была спокойна.

— Пошли. Все будет хорошо, просто доверься мне.

— Только вот я тебя не знаю, — ответила Саманта.

— Не будь занудой, — улыбнулась Глория. — Они нас сами приглашают на экскурсию.

⁴ Название песни Леры Линн (Lera Lynn)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.